

Собрание стихотворений. Том 4. Жемчужные светила. Очарования земли. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Собрание стихотворений. Том 4. Жемчужные светила. Очарования земли. Фёдор Сологуб

Жемчужные светила
ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ ЖЕНЕ

«Могу ли тебя не любить...»
Могу ли тебя не любить,
В ликующей бодрости вешней,
Пред силой, всегда побеждающей!
Так весело сердцу забыть
Томленья печали нездешней,
Зароки безвинно-страдающей.
Ложится на травы роса,
И в ветре есть крепкая сладость,
И зыблется поле туманное, –
И мечется в очи краса,
И просится в душу мне радость,
И верю я, – близко желанное.

Ручью

Спасибо, милый мой ручей!
Ко мне один ты ласков был, –
Ты в зной холодною водой
Меня, скитальца, напоил.
Полднейной жаждой утомлён,
Я рад был шуму светлых струй,
И думы скорбные прогнал
Твой тихоструйный поцелуй.

На севере

Скалы, леса и озёра
В дымке святой тишины.
Радость усталого взора,
Тусклые краски бледны.
Солнце июньское низко,
Северный полдень не жгуч.
Чуется, скрытая, близко
Родина снега и туч.

Июль

Сгорает день, как фимиам,
Тихонько тают облака,
Блестит песок по берегам,
И, обмелев, журчит река.
А где поглубже, слышны в ней
И плеск, и смех, и крик детей.
Одежды сбросив на песок,
Плывут. Им дышится легко;
Удары их проворных ног
Взметаю брызги высоко;
И раздаются, как звонки,
По всей реке их голоски.
Порой промчится ветерок,
И, как ребёнок, он шумлив;
Там приподымет он песок,
Там закачает ветви ив,
Что наклонились над рекой...
А после снова тишь и зной.
Прохладой веет наконец,
Склонилось солнце на закат,
И, как сверкающий венец,
Над ним пурпурных тучек ряд.
И вот выходят рыбаки
Отвсюду на берег реки.
Вот мальчик на мели стоит,
И мимо обнажённых ног
Вода шумливая бежит,

Колышет легкий поплавок;
Вот в реку сходит и другой,
И скоро пёстрою толпой
Ребят усеяна река,
И каждый чутко, чутко ждёт
И глаз не сводит с поплавка.
А солнце блещущее льёт
На них лучей косых поток, –
И веет свежий ветерок.

Жасмин

Когда стою в оранжерее
У роз и лавров я один,
Из всех цветущих мне милее
Прохладой дышащий жасмин.
Зелёный куст, и цвет столь снежный,
И запах сладкий, чуть живой,
Зовут к мечте моей мятежной
Забытых слов певучий строй.
Очарованьем ранним вея,
Как непорочный цвет, бела,
Томяся в чарах вешних, фея
Ко мне невестою сошла.
Всё, что погибло без возврата,
Мечта, и радость, и любовь,
Так успокоено и свято
В душе владычествует вновь.
Часы бегут. В оранжерее
Я с белой девою один,
И тихо смотрит в очи фее
Прохладно-дышащий жасмин.

«Вечереет. Смотри...»

Вечереет. Смотри:

Там, на серых домах,
Апый отблеск зари,
Там, на белых стенах,
Нашей церкви, как чист
Нежно-алый отлив!
Воздух тих и душист,
И горит каждый лист
У берёз и у ив!
Светло-розовый блеск
По реке разлился,
А в воде что за плеск
У ребят поднялся!

За рекою песок

Жёлтой лентой лежит,
И сосновый лесок
Ясным светом облит.
Укрываясь в тень
От вечерних лучей,
Едет русская лень
На тележке своей.
Пыльный столб за рекой
По дороге ямской
Сизой тучкой встаёт
И за клячею в лес
Свой летучий навес,
Колыхаясь, несёт.
Свечерело. Смотри,
Как с последним лучом
Догоревшей зари
Всё бледнеет кругом.

«На могилу милой...»

На могилу милой
В день её поминок
Я пришёл, унылый,
Посадить барвинок.
И цветки синеют,

Глазок милой просинь,
Листья не желтеют
И в глухую осень.
Буду вспоминать я
Голубые глазки,
Нежные объятия,
Радостные ласки.
«С врагом сойдясь для боя злого...»
С врагом сойдясь для боя злого,
Свой меч я тяжко опустил.
Казалось мне, врага ночного
я пополам перерубил.
Но вдоль согнувшегося тела
Безвредно сталь моя прошла
И, раздробившись, зазвенела,
Как отлитая из стекла.
Тогда последнего удара
Я равнодушно ожидал,
Но мой противник, злая мара,
Вдруг побледнел и задрожал,
Холодным тягостным туманом
Обоих нас он окружил,
И, трепеща скользящим станом,
Он, как змея, меня обвил.
Глаза туманит, грудь мне давит,
По капле кровь мою сосёт.
Мне душно! Кто меня избавит?
Кто этот призрак рассечёт?
«Росою весь обрызган двор...»
Росою весь обрызган двор,
Как звёздами крупными и яркими.
И блуждает, любитесь подарками
Весёлого солнца мой взор.
Любуется каждою росинкою,
На каждый дивится листок.
Вот блестит зелёною спинкою,
В траве притаился жучок.
Вот у забора чернокудренник
Прижался весь в слезах.
«О чём ты плачешь?» – «Утренник
Такой был холодный, что страх».
«Словно лепится сурепица...»
Словно лепится сурепица,
На обрушенный забор, –
Жизни сонная безлепица
Отуманила мой взор.
Словно мальчик, быстро пчёлами
Весь облепленный, кричит, –
Стонет сердце под уколами
Злых и мелочных обид.
«Ризой бледно-голубою...»
Ризой бледно-голубою
Мочь ложится над землёю,
Звёзды трепетно мерцают,
Тучи бледною толпою,
Точно призраки, мелькают,
В бледной мгле почили дали, –
И на всём печать печали.
«Сердце жаждет любви. В двери жизни немой...»
Сердце жаждет любви. В двери жизни немой
□□Рой мечтаний томительно бьётся.
Так на берег пустынный волна за волной
□□С негодующим плачем несётся.
Но опененный ряд прибережных камней
□□Не исчезнет в объятиях моря.
Грёзы бурные! С жизни унылой моей
□□Не стряхнуть вам прильнувшего горя.
«Сумерки, серые тени...»

Сумерки, серые тени,
Вестники ночи и сна.
Вялость тоскующей лени.
Скучная вокруг тишина.
Зорька потухла. Белеет
Снег, пооттаявший днём.
Что-то маячит и реет
Там, наверху, за окном.
Крыльями быстро махая,
Чайки ль уносятся вдаль?
Молча сию я, вздыхая,
В душу закралась печаль.
Что это? Боже мой! Слёзы.
Вот чем в душе облиты
Грёзы, лазурные грёзы
И золотые мечты!
«Что жалеть о разбитом бокале!..»
Что жалеть о разбитом бокале!
Пролитое вино пожалей.
Не об юности пылкой твоей,
О забытом тоскуй идеале.
Пусть трудами измучена грудь,
И неправдами сердце разбито, –
Лишь была бы любовь не забыта,
В дикой мгле указавшая путь,
Та любовь, что предстала так рано
Пред тобой, оробелым от зла,
И завесу немного тумана
Над твоею душой подняла,
И, как солнечный луч, озарила
Бездну зла и неправды людской,
И не раз на решительный бой
За собою тебя выводила.
Но любовь позабыта; разлит
Драгоценный нектар идеала;
Если сердце порой и горит,
Так душа отзываться устала.
Счастье
Счастье, словно тучка в небе голубом.
Пролилась на землю радостным дождём
Над страной далёкой, пышной и красивой,
Не над нашей бедной выжженной нивой.
Счастье, словно зрелый, сочный виноград.
Вкус его приятен, сладок аромат.
Ягоды ногами дружно мы топтали,
Вин же ароматных мы и в рот не брали.
Счастье, словно поле вешнею порой
С пёстрыми цветами, с сочною травой,
Где смеются дети, где щебечут птицы..
Мы на них дивимся из окна темницы.
«Склонилась плакучая ива...»
Склонилась плакучая ива
Над тихой рекой
И, ветви качая лениво,
В воде любовалась собой.
Упругие, светлые струи
Чуть слышно плескались у ног.
Смеялся на их поцелуи
Ленивый и влажный песок.
На небе вечерние краски
Тонули в серебряной мгле,
И звёзд безмятежные глазки
Сияли приветом земле.
Безмолвно стоял я под ивой
И вновь о нездешнем мечтал,
И вновь над душой горделивой
Смиряющий ангел сиял.
«И дымят, и свистят пароходы...»

И дымят, и свистят пароходы;
Сотни барок тяжёлых и гонок,
Долговязых плотов и лодчонок
Бороздят оживлённые воды.
Здесь весёлые резвые дети,
Словно чайки, снуют над рекою,
Там идут бурлаки бечевою,
Там разложены мокрые сети.
Опрокинута старая лодка
Перед чьею-то ветхой избою,
И полощет умелой рукою
Чьи-то тряпки босая молодка.
Как мятежное, вольное море,
Воздух яркими звуками стонет,
В их разливе стремительно тонет
Песня личного мелкого горя.
Отойдешь от реки, – на погосте
Всё так тихо, так сладко-покойно!
Надмогильные насыпи стройно
Прикрывают истлевшие кости.
Обомшали седые камни,
И накрестные надписи кратки,
Как неясного смысла загадки
Или цепи разорванной звенья.
Лишь ворона порой над крестами
Пролетит, лишь кукушка кукует.
Тихо ветер порою подует
И качнёт молодыми кустами.
Здесь, в приюте забытом, угрюмом
Песня скорбная, горькая зреет
И, что свечка в тиши, пламенеет,
Негасима движеньем и шумом.
«Он поэтом рождён. В колыбельку ему...»
Он поэтом рождён. В колыбельку ему
Рой волшебниц принёс беззаботные сказки.
Золотыми лучами прорезали тьму
Перед ним заревые улыбки и ласки.
Как прозревший слепец, безотчётно дивясь,
Он на всё обращал беспокойные взоры,
И цветов и созвучий звенящая вязь,
С яркоцветной мечтой прихотливо сплетясь,
С ним играла всегда и вела разговоры.
Улыбалася травка ему от земли,
Улыбались зелёные, гибкие лозы.
На заре в небесах ему розы цвели,
Зорьки наземь сошли, по кустам залегли,
На шиповнике диком раскинулись в розы.
Много сказок шептал серебристый ручей,
Обнажённые ноги его обнимая,
И целуя чету прибережных камней,
Он прозрачной струёй извивался, как змей,
И смеялся, и пел, и звенел, убегая.
Песни звонкий напев, тихий ропот струны,
Струи света дневного, ночное мерцанье,
Бриллианты зимы, ароматы весны,
В ярких красках и звуках нарядные сны,
Сладкий трепет надежд, жаркий говор желанья...
«Странный сон мне снился: я кремнистой кручей...»
Странный сон мне снился: я кремнистой кручей
Медленно влачилась. Длился яркий зной.
Мне привет весёлый тихий цвет пахучий
Кинул из пещеры тёмной и сырой.
И цветочный стебель начал колыхаться,
Тихо наливаясь в жилки стала кровь, –
Из цветочной чаши стала подыматься
С грустными очами девушка, любовь.
На губах прекрасной стали ясны речи, –
Я услышал звуки, лёгкие, как сон,

Тихие, как шёпот потаённой встречи,
Как далёкой тройки серебристый звон.
«На плечах усталых вечное страданье, –
Говорила дева, – тяжело носить.
Зреет в тёмном сердце горькое желанье
Сбросить бремя жизни, душу погасить».
«Страстною мечтою рвёшься в жизнь иную,
Хочешь ты проникнуть в даль иных времён.
Я твои мечтанья сладко зачарую.
Ты уснёшь, и долог будет чудный сон,
И, когда в народах правда воцарится
И с бессильным звоном рухнет злой кумир,
В этот миг прекрасный сон твой прекратится,
Ты увидишь ясный, обновлённый мир».
Девушка замолкла, лёгкой тенью скрылась,
И внезапно тихо стало всё вокруг.
Голова безвольно на землю склонилась,
И не мог я двинуть онемелых рук.
Омрачался ль дух мой сладостным забвеньем,
И слетали грёзы лишь по временам,
Неустанно ль сердце трепетным биеньем
Жизнь мою будило, – я не знаю сам.
Бурно закипали прежние страданья,
Вновь меня томила жадная тоска,
Но, пока пылал я муками желанья,
Над землёй промчались многие века.
«Донеси от жизни только звук случайный,
Ветер перелётный, гость везде родной!
Только раз весной, с радостью и тайной,
Донеси случайно запах луговой!» –
Так молило сердце и в тревоге жадной
В грудь мою стучало; но холодных губ
Разомкнуть не мог я для мольбы отрадной
И лежал в пещере, как тяжёлый труп.
Снилось мне: столетья мчатся над землёю,
Правда всё страдает, Зло ещё царит,
Я один во мраке, мёртвой тишиною
Скован, тишиною мёртвою обвит.
«Раз шалунье–капле стало скучно в море...»
Раз шалунье–капле стало скучно в море:
□□Высь её прельстила,
□□Солнце заманило,
Сладко улыбаясь в голубом просторе.
Солнце посылало золотые струи
□□Из небесной дали,
□□И они ласкали
Маленькую каплю, словно поцелуи.
С каждым их лобзаньем капля загоралась
□□Новым, сладким жаром,
□□И незримым паром
Наконец на волю радостно умчалась,
И навстречу солнцу устремилась смело..
□□Но, увы! Светило
□□Недоступно было,
Капля ж поневоле в небе холодела.
И земля родная маленькой беглянке
□□Снова милой стала,
□□И она упала
С дождиком шумящим на лесной полянке.
«На бой я вышел одинокий...»
На бой я вышел одинокий,
Напрасно помощи я ждал:
Свалил меня мой враг жестокий,
В моей груди его кинжал.
Я, простирая слабо руки,
Молю врага: «О, пощади!
Пускай умру без лишней муки!
Не поверни ножа в груди!»

«Не хочет судьба мне дарить...»
Не хочет судьба мне дарить
Любовных тревог и волнений;
Она не даёт мне испить
Из кубка живых наслаждений.
И грёзу я плотью облék,
И дал ей любовные речи,
Надел ей на кудри венок,
Прозрачное платье на плечи,
И в сумраке летних ночей
На зов мой она появлялась
И, сбросив одежду с плечей,
Ласкаясь, ко мне прижималась.
Когда же разрежут восток
Лучи восходящего солнца,
И, встретив их яркий поток,
Зардеются стёкла оконца,
Она становилась бледна,
Печально меня целовала,
И в узком просвете окна
В сияньи небес исчезала.
«Чем строже себя наблюдаю...»
Чем строже себя наблюдаю,
Тем лучше людей узнаю, –
И с миром теснее сплетаю
Печальную душу мою.
Припомню деяния злые
Напрасно растраченных дней, –
Мне ясны тревоги мирские
И злое безумье людей.
«Надутый ветром серый парус...»
Надутый ветром серый парус,
Как рьяный конь, лодчонку мчит.
Вода от вёсел, как стеклярус
Сверкая брызгами, летит.
Ты приумолкла. Пышет зноем
Твоё лицо, глаза горят.
Каким пленительным покоем
Нас лес и берег подарят!
«Уж не тянусь, как прежде, я...»
Уж не тянусь, как прежде, я
Нетерпеливыми устами
К блестящей чаше бытия
С его отравленными снами.
Так мрачный вяз, на склоне дней,
Дуплистый и грозой спалённый,
Не посылает, утомлённый,
Во глубину своих корней.
«Душе моей, страдающей жестоко...»
Душе моей, страдающей жестоко,
Твердят лукавые уста,
Что станет грёзою пророка
Моя лазурная мечта,
Что в мир войдёт царицею свобода,
И золотой настанет век,
И, предстоя сильнейшим из народа,
Не задрожит от страха человек,
И смолкнет алый вопль страданья
Вкруг изукрашенных столиц,
И белый ужас истязанья
Не исказит румяных детских лиц.
«Душою чистой и незлобной...»
Душою чистой и незлобной
Тебя Создатель наделил,
Душой, мерцанью звёзд подобной
Иль дыму жертвенных кадил.
Хотя дыханьем чуждой злобы
Не раз мрачился твой удел, –

Нет человека, на кого бы
Ты тёмной злобою кипел.
Но каждый день огнем страданья
Тебя венчали ложь и зло, –
В твоей душе негодование,
Как семя в почве, проросло.
«Я упивался негой счастья...»
Я упивался негой счастья,
Безумным праздником любви.
Струился ядом сладострастья
Избыток сил в моей крови.
Я говорил: «И от ненастья
Часы отрадные лови,
Во всех пирах бери участие,
Для грёз пленительных живи!»
Не видел я, безумец бедный,
Обманов жизни этой бледной!
Но вдруг отвергнутого стон
Смешался с песней звонкой нашей, –
И с пира я бежал, смущён
И не допив заздравной чаши.
«В томленьях жизни несчастливой...»
В томленьях жизни несчастливой
Меня забавишь только ты,
О муза дивно-прихотливой
□□□Мечты!
В разгаре грусти безнадежной
Ты предстаёшь душе моей,
Ее пленяя лаской нежной
Мир озаряющих лучей.
Забыты жгучие обиды,
В душе смолкает гордый гнев,
Как перед взорами Киприды
□□Пленённый лев.
«Полно плакать, – вытри слезы...»
Полно плакать, – вытри слезы,
Проводи меня в свой сад,
Где так нежно пахнут розы,
Где кудрявые берёзы
Улыбаясь шелестят.
Полно плакать, – что за горе!
То ль, что мачеха лиха,
И, с тобою вечно в ссоре,
Держит двери на запоре,
Не пускает жениха?
Не томи тоской сердечка, –
Год промчится, подрастёшь,
Смело выйдешь на крылечко,
Повернёшь в дверях колечко
И от мачехи уйдёшь.
Близок день освобожденья.
Сердце к воле приготовь,
Чтобы в светлые мгновенья
Светлый праздник примиренья
Создала тебе любовь.
«Когда мечты полночной обаянья...»
Когда мечты полночной обаянья
Умчат меня в заветные края,
Где, бледная от лунного сиянья,
Ко мне придёт желанная моя, –
Ползёт туда какими-то путями
Тоска души моей,
И не даёт пленительными снами
Забиться ей.
В стране надежды радостной и грёзы
Она змеей таится между роз!
То не роса, – её катятся слёзы
По гибким веткам придорожных лоз;

То не туман клубится над рекою,
Блестя в лучах задумчивой луны, –
Её дыханье мгlistою волною
Закутало мечтательные сны.
Вот, соловья нелепо прерывая,
Безумный крик пронёсся. Это кто?
Ах, всё она, тоска моя, рыдая,
Вопит о том, что жизнью отнято.
«Реет снег. Темна дорога...»
Реет снег. Темна дорога.
На душе моей темно.
Кто-то тёмный смотрит строго
В запотелое окно,
И томит меня тоскою
Неподвижно-тёмный взгляд,
И проходит предо мною
Сожалений поздних ряд.
«Вешняя ночь: звёзды, луна, соловей...»
Вешняя ночь: звёзды, луна, соловей.
Воздух душист, в воздухе носятся грёзы.
Звонко поёт влажную песню ручей.
Тихо стоят, слушают чутко берёзы.
□□Дремлет ночь, очарованьем
□□Упоительным дыша,
□□И надеждам и желаньям
□□Покоряется душа.
В сладкой тени белых, кудрявых берёз
Кто-то ведёт тихие, нежные речи.
Тихий полёт сладких, пленительных грёз
Чьи-то открыл взором любимого плечи.
□□Жажда бурных наслаждений
□□Зажигает в сердце кровь,
□□Но отраву вожделений
□□Гасит кроткая любовь.
«Над рекою гудит непогода...»
Над рекою гудит непогода,
Бьёт пороги волной разъярённой.
Плещут волны на борт парохода
И поют ему плач похоронный.
Я в каюте угарной и тесной.
Позади меня тени роятся,
Предо мною, в дали неизвестной,
За туманами тучи клубятся.
Неотмщённой обиды отравы
Золотые надежды багровит,
И ползучая злоба лукаво
Неминуемую смерть славословит:
«Чем ты горше страдаешь, тем слаще
Будет сон твой в безгрёзной могиле.
Тем отраднее отдых, чем чаще
Испытания грозные были».
Ирина
Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.
Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок.
И тяжёлым коромыслом
Надавлив себе плечо,
Ты с реки тащила воду;
Щёки рдели горячо...
Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрёка,
Ты мне бросила в лицо!
Хоть бы раз в слезах обильных
Излила неволью ты
Накопившую горечь
Беспощадной нищеты!
Я бы вытерпел упрёки,
И смолчал бы пред тобой
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,
Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлёкший
Для страданий нищеты.
Опускался вечер тёмный
Нас измучившего дня, –
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.
Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».
И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперёд,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод.
И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.
«После жизни недужной и тщетной...»
После жизни недужной и тщетной,
После странных и лживых томлений,
Мы забудемся сном без видений,
Мы потонем во тьме безответной,
И пускай на земле, на печальном просторе
Льются слёзы людские, бушует ненастье:
Не найдет нас ни бледное, цепкое горе,
Ни шумливо-несносное счастье.
«Чем свежее становилось...»
Чем свежее становилось,
Чем длинней ложилась тень,
Тем настойчивей просилась
В сердце вкрадчивая лень,
Надоевшую работу
Не давала мне кончать,
И постылую заботу
Порывалась отогнать.
Так любимая супруга
К трудолюбцу подойдёт.
И смеётся, и зовёт,
И торопит час досуга.
«Сердцем овладевшая злоба застарелая...»
Сердцем овладевшая злоба застарелая
Шепчет речи знойные, горько-справедливые,
И скликает в бешенстве воля моя смелая
Замыслы безумные, грёзы горделивые.
А над вьюгой замыслов, над огнём восстания
Реет тень зловещая, облачко летучее.
Что-то непонятное за дверьми сознания
Чутко притаилось, – лихо неминуемое.
Знаю: гость непрошенный с холодом презрения
Глянет неожиданно в душу многодумную,
И погасит хохотом веру неразумную,
И погубит замыслы сладостного мщения.
«Ночные грёзы их пленили...»

Ночные грезы их пленили,
Суля им радостные дни, –
Они друг друга полюбили,
И были счастливы они.
То было молодостью ранней,
Когда весна благоуханней,
Когда звончее плеск ручья,
Когда мечтанья вдохновенней,
И жарче жажда бытия
И жажда радости весенней...
Восторги, грёзы без числа, –
Забавы жизни то была.
То жизнь смеялась, рассыпая
На их пути свои цветы
И тихо веющего мая
Лобзанья, чары и мечты.
Она любовью их манила,
А после горем наделила.
В мае
□□Майские песни!
□□Ясные звуки!
Страсть их слагала, поёт их весна.
□□Радость, воскресни!
□□Злоба и муки –
Призраки страшные зимнего сна.
□□Злые виденья
□□Раненой жизни,
Спите до срока в мятежной груди!
□□Ключ вдохновенья,
□□На душу брызги,
Чувства заснувшие вновь разбуди!
«Счастливые годы...»
Счастливые годы
Промчались давно, –
Суровой невзгоды
Окрепло вино,
Из чаши злорадно
Струится оно,
Как смерть беспощадно,
Как радость красно.
Кипящую чадно
Отравы струю
Безумно и жадно,
Как счастье, я пью,
Надежды прекрасной
Давно не таю,
Пред смертью ужасной
Слезы не пролью.
«Я слагал эти мерные звуки...»
Я слагал эти мерные звуки,
Чтобы голод души заглушить,
Чтоб сердечные вечные муки,
В серебристых струях утопить,
Чтоб звучал, как напев соловьиный,
Твой чарующий голос, мечта,
Чтоб, спалённые долгой кручиной,
Улыбнулись хоть песней уста.
«Как высокая, тонкая арка...»
Как высокая, тонкая арка,
Семицветная радуга ярко
Над омытой землёю висит.
Многодумное сердце трепещет,
И тревожными песнями плещет,
И неведомой грустью горит.
Обещанье старинное снова
С умилением встретить готова
Изнурённая жизнью душа.
Побледнеют небесные краски, –

И она обманувшие сказки
Позабудет, к печали спеша.
Растворяется радуга, – снова
Бесконечная даль голубого,
Бесконечной тоски пустота.
Снова злобою сердце трепещет,
Снова тёмными песнями плещет,
Снова ужасом жизнь повита.

У кузнеца

Легенда

В двери кузницы Мария
Постучалась вечерком:
«Дай, кузнец, приют мне на ночь:
Спит мой сын, далёк мой дом».

Отворил кузнец ей двери.

Мать Божия сидит,
Кормит сына и на пламя
Горна мрачного глядит.
Реют искры, ходит молот.
Дышит мастер тяжело.
Часто дланью загрубелой
Оттирает он чело.

Рядом девочка-подросток
Приютилась у огня,
Грустно бледную головку
На безрукий стан склоня.
Говорит кузнец: «Вот дочка
Родилась калекой. Что ж,
Мать в могиле, дочь со мною,
Хоть и горько, да куёшь». –

«Разве так трудна работа?» –

«Не трудна, да тяжела.
Невелик мой ков для блага,
Много сковано для зла.

Вот ковать я начал гвозди.
Три из них меня страшат.
Эти гвозди к древу казни
Чьё-то тело пригвоздят.
Я кую, и словно вижу, –
Крест тяжёлый в землю врыт.
На кресте твой Сын распятый,
Окровавленный висит».

С криком ужаса Младенца

Уронила Божья Мать.

Быстро девочка вскочила,
Чтоб малютку поддержать, –
И свершилось чудо! Прежде,
Чем на память ей пришло,
Что порыв её напрасен, –
В обнажённые светло,
Богом данные ей руки,
Лёг с улыбкою Христос.

«Ах, кузнец, теперь ты счастлив,

Мне же столько горьких слёз!»

Наследие обета

Легенда

Неожиданным недугом

□□Тяжко поражён,

В замке грозно-неприступном

□□Умирал барон.

По приказу господина

□□Вышли от него

Слуги, с рыцарем оставив

□□Сына одного.

Круглолицый, смуглый отрок

□□На колени стал, –

И барон грехов немало

□□Сыну рассказал.

Он малюток неповинных
□□Крал у матерей
И терзал их перед дикой
□□Дворнею своей, –
Храмы грабил, из священных
□□Чаш он пил вино, –
Счёт супругам оскарблённым
□□Потерял давно.
Так барон, дрожа и плача,
□□Долго говорил, –
И глаза свои стыдливо
□□Отрок-сын склонил.
Рдели щёки, и ресницы
□□Осеняли их,
Как навесы пальм высоких,
□□Жар пустынь нагих.
Говорил барон: «Познал я
□□Мира суету, –
Вижу я себя на ветхом,
□□Зыблемом мосту,
Бедных грешников в мученьях
□□Вижу под собой.
Рухнет мост, и быть мне скоро
□□В бездне огневой.
И воззвавши к Богу, дал я
□□Клятву и обет,
Клятву – сердцем отрешиться
□□От минувших лет,
И обет – к Святому Гробу
□□В дальние пути,
Необутыми ногами
□□Зло моё снести.
И мои угасли силы,
□□Не свершён обет,
Но с надеждой покидаю,
□□Сын мой, этот свет:
Мой наследник благородный,
□□Знаешь ты свой долг...»
И барон в изнеможеньи,
□□Чуть дыша, умолк.
Поднялся и молча вышел
□□Отрок. Рыцарь ждёт
И читает Символ веры...
□□Время медленно идёт.
Вдруг открылась дверь, и входит
□□Сын его в одной
Шерстяной рубахе, с голой
□□Грудью, и босой.
Говорит, склонив колени,
«Всем грехам твоим
Я иду молить прощенья
□□В Иерусалим
Я жестоким бичеваньям
□□Обрекаю плоть,
Чтоб страданиями моими
□□Спас тебя Господь,
И, зажжённую свечою
□□Озаряя путь,
Не помыслю даже в праздник
□□Божий отдохнуть,
Отдохну, когда увижу
□□Иерусалим,
Где я вымолю прощенье
□□Всем грехам твоим.
Буду гнать с лица улыбку
□□И, чужой всему,
На красу земли и неба
□□Глаз не подыму:

Улыбнусь, когда увижу
□□Иерусалим,
Где я вымолю прощенье
□□«Всем грехам моим».
«Идёт весна, широко сея...»
Идёт весна, широко сея
Благоуханные цветы,
И на груди своей лелея
Ещё невинные мечты.
Горят алмазною росой
Их золотые лепестки,
И как над пылкой головою
Венки из тех цветов легки!
Но что за хитрая отравка
В их сладком духе разлита,
Как обаятельно-лукава
Их молодая красота!
Каким забвеньем и туманом
Нам кружит головы она,
Цветами сыпля по полянам,
Неутомимая весна!
«Мне была понятна жизнь природы дивной...»
Мне была понятна жизнь природы дивной
□□В дни моей весны.
Охраняла вера, рдел восторг наивный,
□□Ясны были сны,
И в сияньи веры был чудес чудесней
□□Блеск живого дня.
Мне певала мама, и будила песней
□□Сонного меня:
«Если мы не встанем, так заря не вспыхнет,
□□Солнце не взойдёт,
Петушок крикливый загрустит, затихнет,
□□Сивка не заржёт,
Птичка не проснётся, не прольются песни,
□□Дней убавит лень.
Встань же, позови же: „Солнышко, воскресни!
□□Подари нам день!“» –
Так мне пела мама, и будила песней
□□Сонного меня, –
И в сияньи веры был чудес чудесней
□□Блеск живого дня!
Верил я, что жизни не напрасна сила
□□У меня в груди.
Что-то дорогое, светлое сулила
□□Жизнь мне впереди.
Так была понятна жизнь природы дивной
□□В дни моей весны!
О, святая вера! О, восторг наивный!
□□О, бывшие сны!
«И ты живёшь без идеала!..»
«И ты живёшь без идеала!
Бесцельна жизнь, в груди тоска!» –
Томясь печалью, ты сказала,
И я почувствовал: дрожала
В моей руке твоя рука.
«К бывшему, друг мой, нет возврата, –
Промолвил я, печаль тая, –
Поверил также я когда-то,
Пленённый буйством бытия,
Что к идеалам путь возможен,
Что блеск девичьих глаз не ложен,
И что верна любовь твоя!»
«Так нежен был внезапный поцелуй...»
Так нежен был внезапный поцелуй
Счастливого нежданного светила,
Что ядовитых и печальных струй
В сияньи радостном душа не различила.

Восторженно я поднял к небесам
Мои глаза усталые и руки,
И вверил я предательским ветрам
Мечтательных напевов звуки.
Я рад забыть, что жизнь пуста,
И что близка суровая развязка.
Блести, звени, отрадная мечта!
Лелей меня, пленительная сказка!
«Он молод был и болен...»
□□Он молод был и болен,
□□Его томила нищета,
Но он судьбой своею был доволен.
Его утешила блаженная мечта,
Открывши мир, где блещет красота,
□□Где люди радостны, как боги,
□□Где краток лёгкий труд,
□□Где отдых прячется в чертоги,
□□Где наслаждения цветут,
□□Где нет раба и властелина,
□□И где неведома кручина.
Когда сходил он с неба своего
В наш бледный мир, мятежный и угрюмый,
С какой презрительною думой
□□К нам обращался взор его!
«О жизнь, умчи меня от скучных берегов...»
О жизнь, умчи меня от скучных берегов,
От волн ленивых и ползучих,
В поток валов
Могучих!
Умчи мою ленивую ладью
В водоворот кипящий и опасный, –
Я в пену яркую одену жизнь мою,
Упьюсь борьбой неравной и прекрасной,
И яд тоски моей, безумной и неясной,
В ревуший зев стремнины изолью.
«Состязаясь, толпа торопливо бежит...»
Состязаясь, толпа торопливо бежит,
И в ней каждый стремлением диким трепещет,
К этой чаше, которая ярко блестит
И в которой напиток губительный плещет.
За неё неизбывную злобу питать,
К ней тянуться по трупам собратий,
И, схвативши с восторгом её, услышать
Стоны зависти злобной и вопли проклятий!
О безумная ложь! О бессмысленный грех!
Да не стоит она этих жертв изобильных,
Эта чаша с напитком, желанным для всех,
Но доступным лишь только для грубых и сильных.
«Мечта любви неодолима...»
Мечта любви неодолима.
Не жизнью мой навеян сон, –
С лазурной ризы серафима
Он горним ветром занесён.
Прикосновенье райской пыли
Глаза отрадою живит, –
Забыты низменные были,
И рай доступен и открыт.
«Ночь июня, млея в ласке заревой...»
Ночь июня, млея в ласке заревой,
Насмехалась гордо над моей тоской.
Смечусь тихонько с ивою влюблённой,
Лепетал ручей мне: «Уходи, бессонный».
Липка мне шептала: «Уходи-ка прочь,
Не смущай уныньем радостную ночь!»
И заря с полночи алою улыбкой
То же повторяла за зелёной липкой.
Крыльями тревожно ветер трепетал.
«Уходи, мечтатель!» – мне он прошептал.

Всё, что здесь я видел, пело хором стройным:

«Здесь не место думам злым и беспокойным».

Кольцо и венок

В угрюмой норвежской долине,

Среди неприветливых гор,

Глубокое озеро плещет,

Заводит с утёсами спор.

Нет выхода скованной силе,

Но тайна глубокая в нём, –

И старцы преданий немало

Расскажут об озере том.

Кто хочет узнать свою долю,

Свершает старинный обряд.

Немногие делали это,

Не все возвращались назад.

Однажды задумчивый отрок,

Едва заалелся восток,

Спустил по скалам круторёбрым

На озеро утлый челнок,

Веслом от скалы оттолкнулся, –

И быстро помчалась ладья,

Кольшась на зыби строптивой

И тёмную воду струя.

Горело лицо молодое,

Как пламя зари золотой,

И кудри вились золотые,

И очи пылали тоской.

Вот выехал он на средину,

И в лодку он бросил весло, –

Прислушалось горное эхо

И стук далеко разнесло.

И встал синеокий красавец,

Ладья закачалась под ним,

И поднял высоко, высоко

Он руку с кольцом золотым.

Он гордо воскликнул: «Для сердца

Нет в мире желанных утех!

Презренны забвенные слёзы,

Презрен и разымчивый смех.

Как это высокое небо,

Возвышенна тайная цель, –

Но жизнь для великого дела

Тесна, как моя колыбель.

Какой же дорогой идти мне,

И чем увенчать мне чело?»

Прислушалось горное эхо,

Далёко слова разнесло.

И, древний обряд совершая,

Роняет он в волны кольцо, –

Мгновенно суровая бледность

Его покрывает лицо.

И озеро вдруг зашумело,

И вертит ладью, и несёт,

Но отрок стоит, не колеблясь,

И видит он: что-то плывёт,

Чернея в волнах опенённых, –

И вот на дрожащий челнок

Волною плеснувшю брошен

Сплетённый из терний венок.

Затихли суровые волны,

И вновь заходило весло, –

Прислушалось горное эхо

И плеск далеко разнесло.

И солнце взшло, озаря

Улыбку на алых губах,

Венок на кудрях золотистых

И слёзы на синих глазах.

«Невольный труд...»

Невольный труд,
Зачем тобой я долго занят?
Мечты цветут, –
Но скоро сад их яркий вянет,
И прежде, чем успев
Вдохнуть я тёплое дыханье,
Их цвет багряный облетел
В печальной муке увяданья.
Звёздная даль
Очи тёмные подъемлет
Дева к небу голубому,
И, на звёзды глядя, внемлет
Чутко голосу ночному.
Под мерцаньем звёзд далёких,
Под блистающей их тайной
Вся равнина в снах глубоких
И в печали неслучайной.
Тихо, робко над рекою
Поднимаются туманы
И ползучею толпою
Пробираются в поляны.
У опушки тени гуще,
Лес и влажный, и дремотный.
Смотрит страх из тёмной кущи,
Нелюдимый, безотчётный.
К старику-отцу подходит
Дева с грустною мечтою
И про небо речь заводит:
«Беспредельность предо мною.
Где-нибудь в раздольях света,
За безмерным отдаленьем,
Есть такая же планета,
И с таким же населеньем.
Есть там зори и зарницы,
Реки, горы и долины,
Счастье, чары, чаровницы,
Грозы, слёзы и кручины.
Не оттуда ль в сердце плещет
Грёза сладостным приветом?
Вот звезда над нами блещет
Переливным дивным светом:
Это – солнце, и с землею,
И на той земле мечтает
Кто-то, близкий мне душою.
К нам он взоры подымает,
Нескончаемые дали
Мерит чёрными очами,
И томления печали
Отвеваются мечтами.
Он иную землю видит,
Где так ярко счастье блещет,
Где могучий не обидит,
Где бессильный не трепещет,
Где завистливой решёткой
Пир богатых не охвачен,
Где клеймом недоли кроткий
Навсегда не обозначен».
Скоро звёзды гаснуть станут,
Расточатся чары ночи,
И с тоской пугливой глянут
Размечтавшиеся очи.
«Судьба безжалостная лепит...»
Судьба безжалостная лепит
Земные суетные сны,
Зарю надежд, желаний лепет,
Очарования весны,
Цветы, и песни, и лобзанья, –
Всё, чем земная жизнь мила, –

Чтоб кинуть в пламя умиранья
Людей, и вещи, и дела.
Зачем же блещет перед нами
Ничтожной жизни красота,
Недостижимыми струями
Маня молящие уста?
Безумен ропот мой надменный, –
Мне тайный голос говорит,
Что в красоте, земной и тленной,
Высокий символ нам открыт.
И вот над мутным колыханьем
Порабощенной суеты
Встаёт могучим обаяньем
Святыня новой красоты.
Освобожденья призрак дальний
Горит над девственным челом,
И час творенья, час печальный
Сияет кротким торжеством,
Врачует сердцу злые раны,
Покровы Майи зыблет он,
И близкой тишиной Нирваны
Колеблет жизни мрачный сон.
«Ночь с востока на землю слетела...»
Ночь с востока на землю слетела,
На неё свой плащ сквозной надела, –
Горы, доли, рощи тихо спят,
Только в небе звёздочки горят,
Только в речке струйки шелестят,
Только старая не спит одна,
О минувшем думает она,
Да и сердцу бедному не спится, –
Странной грёзой глупое томится.
«Где тают облака...»
Где тают облака,
Где так лазурь легка,
Где зорька ярко пышет,
Где огненный перун
Зигзаги тайных рун
На тёмных тучах пишет,
Туда б умчался я,
В холодные края,
На крыльях избавленья,
Как мчатся в небеса
Земные чудеса,
Наивные моленья.
«Под гул, затеянный метелью...»
Под гул, затеянный метелью,
При свете бледного огня
Мечтает пряжа над куделью,
Мечтает, сон свой отгоня.
В сиянии солнечном проходит
Пред нею милый пастушок,
Напевы звонкие выводит
Его прельстительный рожок.
Как пряжа, плоть неодолимо
Томится яркою мечтой,
Пока Любовь проходит мимо, –
Но час настанет, – час святой
Иль осуждения достойный,
О, всё равно! – соединят
Любовь и Плоть свой ропот знойный,
Своих восторгов рай и ад.
Костёр
Забыт костёр в лесной поляне:
Трещат иссохшие сучки,
По ним в сереющем тумане
Перебегают огоньки,
Скользят, дрожат, траву лобзают,

В неё ползут и здесь, и там,
И скоро пламя сообщают
Ещё могучим деревьям.
И я, томясь в немой кручине,
Изнемогая в тишине,
В моей безвыходной пустыне
Горю на медленном огне.
О, если б яростным желаньям
Была действительность дана, –
Каким бы тягостным страданьям
Земля была обречена!
«Блажен, кто пьет напиток трезвый...»
Блажен, кто пьет напиток трезвый,
Холодный дар спокойных рек,
Кто виноградной влагой резвой
Не веселил себя вовек.
Но кто узнал живую радость
Шипучих и колючих струй,
Того влечёт к себе их сладость,
Их нежной пены поцелуй.
Блаженно всё, что в тьме природы,
Не зная жизни, мирно спит, –
Блаженны воздух, тучи, воды,
Блаженны мрамор и гранит.
Но где горят огни сознанья,
Там злая жажда разлита,
Томят бескрылые желанья
И невозможная мечта.
«Кто понял жизнь, тот понял Бога...»
Кто понял жизнь, тот понял Бога,
Его законы разгадал,
И двери райского чертога
Сквозь дольный сумрак увидал.
Его желанья облетели,
Цветы промчавшейся весны.
К недостижимой вечной цели
Его мечты устремлены.
Афазия
Страны есть, недостижимые
Для житейской суеты.
Там цветут неизъяснимые
Обаянья и мечты.
Там всё дивное, нездешнее,
Нет печалей и тревог;
Там стоит, как чудо вешнее,
Зачарованный чертог.
Обитает в нем фантазия.
Но из тех блаженных стран
Стережет пути Афазия,
Облечённая в туман.
И когда с небес изгнанником
Утомлённый дух летит,
Предстаёт она пред странником,
Принимает грозный вид,
И слова, слова небесные
Отымает от него,
Чародейные, чудесные, –
Все слова до одного.
«В райских обителях – блеск и сиянье...»
В райских обителях – блеск и сиянье:
Праведных жён и мужей одеянье
□□Всё в драгоценных камнях.
Эти алмазы и эти рубины
Скованы в небе из дольной кручины, –
□□Слёзы и кровь в их огнях.
Ангел-хранитель! Куёшь ты прилежно
□□Слёзы и кровь, –
Ах, отдохни ты порой безмятежно,

Царский венец не всегда мне готовь.
Меньше алмазом в обителях рая,
□□Ангел, поверь, мне не стыд.
Бедную душу недоля земная
Каждую лишней слезою томит.
«Лампа моя равнодушно мне светит...»
Лампа моя равнодушно мне светит,
□□Брошено скучное дело,
□□Песня еще не созрела, –
Что же тревоге сердечной ответит?
Белая штора висит без движенья.
□□Чьи-то шаги за стеною..
□□Эти больные томленья –
□□□□Перед бедою!
«Снежное поле бесшумно...»
Снежное поле бесшумно.
Солнце склонилось в раздумьи.
Санки несутся безумно.
Сердце и воля в безумьи.
Ветви берёзы попутной
Толсты от крупного снега.
Жизнью иной, не минутной,
Дышит морозная нега.
Швея («Истомила мечта...»)
□□□□□Истомила мечта,
□□□Вожделеньем взволнована кровь.
□□□Эта жизнь и скучна и пуста,
□□□А в мечте безмятежна любовь.
За машиной шумливой сидит молодая швея.
□□И бледна, и грустна, серебрится луна..
□□□Отчего не слышать соловья?
□□□Отчего не лепечет волна?
И грустна, и бледна молодая швея.
□□□□□Повстречать бы любовь,
□□□Рассыпая пред нею цветы!
□□□Вожделеньем взволнована кровь,
□□□И румяны, и знойны мечты.
□□Под изношенным платьем не видно пленительных плеч.
□□Только шорох невнятный порой за стеной..
□□□Отчего бы на ложе не лечь,
□□□Обнажая свой стан молодой!
□□Только шорох невнятный от девственных плеч.
□□□□□Истомила мечта,
□□□Вожделеньем взволнована кровь.
□□Эта жизнь и скучна и пуста,
□□А в мечте лучезарна любовь.
«К закату бегут облака...»
К закату бегут облака,
И небо опять озарилось приветною лаской.
В душе моей радость и вместе тоска.
И грустно и кротко глядят облака, –
Такою далёкой, заманчиво трудною сказкой.
Заря надо мною с таинственной лаской,
Но ты, о, невеста моя, далека.
Ты сердцем угадана в доле моей многотрудной,
Тебя мне пророчит печаль,
Мне слышится голос твой чудный, –
Угадана сердцем ты в доле моей многотрудной
Чрез эту туманную даль.
Но где ты, невеста? И что мне пророчит печаль?
Кто сердцу дарует покой непробудный?
«Грустно любовь затаила последний привет...»
Грустно любовь затаила последний привет.
□□Осень настала, и листья опали.
Вязкой дорогой неясен оставленный след.
□□Белою мглою задёрнуты дали.
Грустно любовь затаила последний привет.
□□Кроткие звёзды увяли.

«Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать...»

Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать,
□□Как не нужен мне мир и постыл,
Как мне трудно идти, как мне больно дышать,
□□Как мне страшно крестов и могил.

И напрасно мечта в опечаленной мгле

□□Мне твои озаряет черты, –
Далека ты, невеста! На грешной земле

□□И тоска, и беда разлиты.

«Опять меня объемлет лень...»

Опять меня объемлет лень,

Опять душа дремотна.

Немой и лживый день

Идёт, как прежде, беззаботно.

А за дверьми стоит опять

Угрюмый гость, тоска ночная,

Неумолимо поджидая

Минуты, чтобы вновь терзать.

«Верю в счастье, верю снова...»

Верю в счастье, верю снова

Светлым радостям весны,

Но грустнее снов больного

Утомительные сны.

И пугливы, и тоскливы,

Как ленивый плеск волны,

Как поникнувшие ивы,

Сны о бедах старины.

«Я устал, – я едва только смею дышать...»

Я устал, – я едва только смею дышать, –

И недужны, и трудны людские пути.

Невозможно понять, невозможно сказать,

□□И куда же, и как же идти?

В этих жилах струится растленная кровь,

В этом сердце немая трепещет тоска.

И порочны мечты, и бесстыдна любовь,

□□И безумная радость дика.

«Запечатлеть бегущего мгновенья...»

Запечатлеть бегущего мгновенья

□□Бессильным словом не могу.

На миг недолгий вспыхнет впечатленье, –

□□И умирает на бегу.

Бегут нестройною семьёю

□□Черты разрозненных картин

И, в мглу сливаясь, гаснут предо мною,

□□И я один, опять один.

«Я любил в тебе слиянье...»

Я любил в тебе слиянье

Качеств противоположных:

Глаз правдивых обаянье, –

И обман улыбок ложных;

Кротость девочки-подростка,

Целомудренные грёзы, –

И бичующие жёстко

Обличенья и угрозы;

Сострадательную нежность

Над поруганной рабыней, –

И внезапную мятежность

Перед признанной святыней.

«Я люблю всегда далёкое...»

Я люблю всегда далёкое,

Мне желанно невозможное,

Призываю я жестокое,

Отвергаю непреложное.

Там я счастлив, где туманные

Раскрываются видения,

Где скользят непостоянные

И обманные мгновения,

Где сверкают неожиданно

Взоры молний потухающих.
Мне желанно, что невиданно, –
Не хочу я расцветающих.
«Колёса по рельсам гудели...»
Колёса по рельсам гудели,
Вагон сотрясался на стыках.
Всё к той же стремился я цели,
Мечтая о девственных ликах,
О девственных ласках мечтая,
О светлых, пленительных взорах,
И радость далёкого мая
Сияла в чудесных узорах.
«Толпы домов тускнели...»
Толпы домов тускнели
□□В тумане млечном,
Томясь в бессильи хмуром
□□И бесконечном,
И дождь всё падал, плача,
□□И под ногами
Стекал он по граниту
□□В канал струями,
И сырость пронизала
□□Больное тело.
Измученная жизнью,
□□Ты вниз глядела,
Где отраженья млели
□□В воде канала,
И дрожью отвращенья
□□Ты вся дрожала.
Зачем же ты стояла
□□Перед сквозною
Чугунною решёткой
□□Над злой водою,
И мутными глазами
□□Чего искала
В зеленовато-жёлтой
□□Воде канала?
«Приснилася мне женщина...»
Приснилася мне женщина,
Бредущая по улицам
В тумане и во мгле,
Увядшей и поруганной
Красою ненавистная
И небу, и земле.
Походкою неровною
По влажным плитам каменным
Она без цели шла
С опущенными взорами,
И юбка грязью уличной
Забрызгана была.
Её лицо поблёклое
Будило вожделение
Презренное во мне,
И скорбь, и сожаление
Убиты были похотью,
Рождённою в вине.
«Я приготовился принять гостей...»
Я приготовился принять гостей,
□□□Украсил я свою келейку,
И вышел к воротам, и сел там на скамейку,
С дороги не свожу внимательных очей,
И жду, – а путь лежит печальный и пустынный,
Бубенчик не гудет, колёса не гремят,
Лишь вихри пыльные порою закружат, –
И снова путь лежит, докучливый и длинный.
«Зыблется от ветра...»
Зыблется от ветра
Тонкая берёза.

На сердце маячит
Ласковая грёза.
Зайчики играют
В речке против солнца.
Сердце, в мир широкий
Распахни оконце!
«Огни в печи колеблются...»
Огни в печи колеблются, –
Не грезится ль огням
Прекрасное, далёкое,
Родное небесам?
Зажглися в тучах молнии, –
Не грезятся ли им
Таинственные прелести,
Доступные святым?
Листва берёзы дрогнула, –
Не грезится ли ей
Раздолье несказанное
Неведомых полей?
«Я сказал моей невесте...»
Я сказал моей невесте:
«Верь, что я до гроба твой».
Но она, нахмутив брови,
Покачала головой.
Я спросил мою невесту:
«Навсегда ли ты моя?»
И она сказала грустно:
«Я теперь и завтра я
Неужель одна и та же?
Может быть, мои мечты
Через день уже увянут,
Как недолгие цветы.
За себя сказать не смею, –
Обмануть тебя боюсь.
Я люблю тебя как радость,
Но навек не отдаюсь».
«Опалённые долгой кручиной...»
Опалённые долгой кручиной,
Улыбнуться не могут уста,
И напрасен напев соловьиный,
И весенних цветов красота.
Я печальные песни слагаю,
Безобразные раны тая,
И ответ безмятежному маю, –
Не улыбка, а грёза моя.
«Чем бы и как бы меня ни унизили...»
Чем бы и как бы меня ни унизили,
Что мне людские покоры и смех!
К странным и тайным утехам приблизили
Сердце моё наслажденье и грех.
Пусть пред моею убогою хижинкой
Сильных и гордых проходят пути, –
Счастлив я, бедный и миром униженный,
Некуда мне мою радость нести.
«Великой мукой крестной...»
Великой мукой крестной
Томился Царь Небесный,
Струилась кровь из ран,
И на Христовы очи,
Предвестник смертной ночи,
Всходил густой туман.
Архистратиг великий,
Незрим толпою дикой,
Предстал Царю царей,
И ужасом томимы
Слетелись серафимы
С мечами из огней.
«Христос, довольно муки, –

На ангельские руки
Уйди от смертной тьмы,
Скажи, чтобы с мечами
И с грозными очами
Толпе предстали мы,
Чтоб творческая сила
Пленила, устрашила,
Блуждающих во мгле,
И царство благодати
Трудами нашей рати
Воздвиглось на земле».
Сказал ему Спаситель:
«Не ты судеб решитель,
Напрасно ты спешил.
Насилия не надо, –
Любовь и в безднах ада
Сильней небесных сил.
Одна неправда – тленна.
Бессмертна, неизменна,
Как истина, любовь.
Пред ней трепещет злоба, –
Из мёртвой сени гроба
Она восстанет вновь».
Душа
Сотворённая вне мира,
Обитала в небесах,
Где плывут среди эфира
На серебряных ладьях
Легионы духов ясных,
Грёз Твоих, Творец, прекрасных,
Беззаботно веселясь, –
Для чего ж её отбросил
Лёгким взмахом дивных вёсел
Ангел Твой в земную грязь?
И томится, и вздыхает,
И стремится в небеса,
Где порой над ней сияет
Недоступная краса,
Где проносятся порою
Беззаботною семьёю
Тени горних тех ладей,
Где когда-то начинала
Жить она, где расцветала
Красота земли пред ней.
О, томительные муки
Нескончаемой разлуки
С дальней родиной души,
Ярок пламень ваш бессонный
И в заботе ежедневной,
И в раздумчивой тиши!
О, когда сгорит в нём эта
Тягость жизненных тенёт,
И душа в обитель света
К ясным братьям отойдёт!
«К тебе подьемля руки...»
К тебе подьемля руки,
Зову твою любовь.
□□В мечтаньях ярких – муки,
□□Нагое тело, кровь.
Томления разлуки
В душе проснулись вновь.
□□К тебе подьемля руки,
□□Зову твою любовь, –
Припоминаю жадно
Твоих очей лучи, –
□□Но пытка беспощадна,
□□Свирепы палачи.
Минуты беспощадно

Сверкают, как мечи.

□□Лобзают тело жадно

□□Свистящие бичи.

я бледными губами

Зову твою любовь, –

□□Багряными струями

□□Ползёт и стынёт кровь, –

Но бездна между нами, –

Ей не закрыться вновь,

□□Холодными губами

□□Зову твою любовь.

«Лёгким движеньем бессильной руки...»

Лёгким движеньем бессильной руки

Новое русло из мощной реки

Ты отворила, и длинный канал

Быстро рекой многоводною стал.

Лёгким движеньем иль словом одним

Часто мы дело большое творим,

Если стихийная воля за нас,

Если настал исполнения час.

«Из кадиланицы с ладаном – дым благовонной волною...»

Из кадиланицы с ладаном – дым благовонной волною.

Погребальный обряд совершается трудно и больно.

Погребальные песни протяжно звучат надо мною.

Содрогаясь душой боязливой, тоскую невольно,

И томит меня ужасом вьющийся в воздухе ладан,

Сиротливой тоскою томят меня чьи-то рыдания.

Над раскрытой могилой душою моею не разгадан

Потаённый удел отошедшего в вечность созданья.

«Влачится жизнь моя в кругу...»

Влачится жизнь моя в кругу

Ничтожных дел и впечатлений,

И в море вольных вдохновений

Не смею плыть и не могу.

Стою на звучном берегу,

Где ропщут волны песнопений,

Где веют ветры всех стремлений,

И всё чего-то стерегу.

Быть может, станет предо мною,

Одетый пеною морскою,

Прекрасный гость из чудных стран,

И я услышу речь живую

Про всё, о чем я здесь тоскую,

Про всё, чем дивен океан.

«На закат, на зарю...»

На закат, на зарю

Долго, долго смотрю.

Слышу, кровь моя бьётся

И в заре отдаётся.

Как-то весело мне,

Что и я весь в огне.

Это – кровь моя тает,

И горит да играет

Над моею горой,

Над моею рекой.

Вот заря догорела,

Мне смотреть надоело,

Я глаза затворил,

Я весь мир погасил.

Всё во всём

Если кто-нибудь страдает,

Если кто-нибудь жесток,

Если в полдень увядает

Зноем сгубленный цветок, –

В сердце болью отзовется

Их погибель и позор,

И страданием зажжётся

Опечаленный мой взор:

Потому что нет иного
Бытия, как только я;
Радость счастья голубого
И печаль томленья злого,
Всё, во всём душа моя.

«Под звуки дивной арфы...»

Под звуки дивной арфы
Давид псалмы слагал,
И в это время ветер
Смиренно умолкал,
И птицы петь не смели,
И воды не текли, –
Одна хвала звучала
Во всех концах земли.
Когда ж он утомится
Творца земли хвалить,
Тогда повсюду птицы
Спешат его сменить,
И воды заструятся,
Создателя хваля, –
Хвалой многоголосной
Наполнится земля.

Больная жена

Ты больна, но вся прекрасна, как мечта.
Ты святою тишиною повита.
Нет огня в твоих потупленных очах,
Нет лобзаний и улыбок на устах.
Мне не снять с тебя венчальный твой убор,
Не зажечь стыдом мне твой невинный взор.
Нет, мой друг, ты будешь мирно почивать, –
Стану я твой чуткий сон оберегать.

Люди злы, и нас с тобою осмеют.
Мы не пустим их в наш радостный приют.

«Вижу зыбку над могилой...»

Вижу зыбку над могилой,
Знаю, – мать погребена,
И ребёнка грудью хилой
Не докормит уж она.
Нет младенца в колыбели,
Крепко спит в могиле мать, –
Только зимние метели
Станут зыбку подымать.
Эта зыбка и могила, –
В них мой образ вижу я:
Умерла былая сила,
Опустела жизнь моя, –
Кто-то вынул сон прекрасный
Из души моей больной,
И томит меня безгласной,
Бездыханной тишиной.

«Какие злые перемены!..»

Какие злые перемены!
Зачем же вас я должен знать?
Опять меня замкнули стены,
Я каменеть начну опять.
И шум и грохот воздвигаю
Опять на улицах моих,
И понемногу забываю
О тишине ночей лесных,
И учреждаю я торговлю,
И зажигаю фонари,
И забываю сад, и кровлю,
И свежесть утренней зари.

«Я – бог таинственного мира...»

Я – бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.
«Одно моё спасение...»
Одно моё спасение
В больной моей судьбе –
Господне попечение
О суетном рабе.
Он голову склонённую
Огнём грозы обвил,
И плоть изнеможённую
Бессильем поразил.
Он сжёг мои желания
Пылающим огнём,
И сплёл мои страдания
Терзающим венцом.
Молитвою усердную
Душа моя горит.
Рукою милосердную
Господь меня хранит.
Ведёт меня медлительно
Он верною тропой.
Тоска моя томительна,
Молчанье надо мной.
Иду в Отцовы дальные,
Блаженные края,
И дни мои печальные
Благословляю я.
Одно моё спасение
В больной моей судьбе –
Господне попечение
О суетном рабе.
«Он промечтал всю ночь, пока в его окно...»
Он промечтал всю ночь, пока в его окно
Не бросил мутный день рассеянные взоры
□□□□Сквозь полотно
□□□□дырявой шторы.
Он промечтал всю ночь о счастье неземном,
О счастье вовеки невозможном
□□□□Здесь, в этом крае злом
□□□□и ложном.
Тихие стены
Приветствую тихие стены
Обитатели бедной моей.
В миру беспощадны измены,
Уйду я в забвеньё скорбей.
И что здесь меня потревожит?
Жестокие раны горят,
А время их муки умножит, –
Мне ваша ограда поможет
И муки меня закалят.
Замкнитесь же, тихие стены,
Спасите, спасите меня
От вечной, коварной измены,
От тусклого, скудного дня.
Лесная тропа
Темнеет лес вокруг, угрюмо-безответный.
Печальный голос мой молчаньем заглушён.
Бреду лесной тропой, едва-едва заметной,
И мрак ползёт ко мне, ползёт со всех сторон.
Тихонько я бреду, – моей мечте заветной
Ещё я верен всё, ещё гоню я сон,
Мечтою сладостной и, верю я, не тщетной
И очарован я, и сладко опьянён.
Дыши тоской и злом, и чудища седые
Суровый, злобный лес, воздвигни на меня,
Ропщи и угрожай, шепчи мне речи злые, –

Я всё иду вперёд, томлений не кляня,
Как верный пилигрим, к вратам Ерусалима, –
И я пройду, о лес, пройду бесстрашно мимо!
Тёмный час

В тёмный час тоска меня томила,
В тёмный час я пропил слёз немало,

□□Но не смерть меня страшила,

□□Не могила ужасала.

Я о жизни думал боязливо,
Я от жизни в тёмный час таился,

□□Звал я смертный час тоскливо,

□□О могиле я молился.

По земному по всему раздолью,
По земному лику – скорбь да горе.

□□Но не вверюсь своеволью, –

□□Приберёшь меня Ты вскоре.

«Не страстные томления...»

Не страстные томления,

Не юный жар в крови, –

Блаженны озарения

И радости любви.

Вовеки неизменная

В величии чудес,

Любовь, любовь блаженная,

Сходящая с небес!

Она не разгорается

В губительный пожар, –

Вовек не изменяется

Любви небесный дар.

Любить любовью малою

Нельзя, – любовь одна:

Не может быть усталую

И слабую она.

Нельзя любовью жаркою

И многою любить:

Чрезмерною и яркою

Любовь не может быть.

Её ли смерить мерою,

И ей ли цель сказать!

Возможно только верю

Блаженную встречать.

Вовеки неизменная

В величии чудес,

Любовь, любовь блаженная,

Сходящая с небес!

«Не могу собрать...»

□□Не могу собрать,

□□Не могу связать, –

Или руки бессильны?

Или стебли тонки?

Как тропы мои пыльны!

Как слова не звонки!

□□И чего искать?

□□И куда идти?

□□Не могу понять,

□□Не могу найти.

«Я иду от дома к дому...»

Я иду от дома к дому,

Я у всех стучусь дверей,

Братья, страннику больному,

Отворите мне скорей.

Я устал блуждать без крова,

В ночь холодную дрожать

И тоску пережитого

Только ветру поверять.

Не держите у порога,

Отворите кто-нибудь,

Дайте, дайте хоть немного

От скитаний отдохнуть.

Знаю песен я немало, –

Я всю ночь готов не спать.

Не корите, что устало

Будет голос мой звучать.

Но калитки не отворят

Для певца ни у кого.

Только ветры воем вторят

Тихим жалобам его.

«Под кустами...»

Под кустами

Снег лежит,

Весь истаял,

И сквозит.

Вот подснежник

Под ольхой, –

Он в одежде

Голубой.

Для чего ж он

Так спешит?

Что тревожит?

Что томит?

«В изукрашенном покое...»

В изукрашенном покое

□□Веселятся дети,

И за ними смотрят двое,

□□И не дремлет третий.

Первый – добрый: улыбнётся, –

□□Засмеются дети,

Много игр у них начнётся, –

□□И спокоен третий.

Злой второй: он только глянет, –

□□Подерутся дети,

Сильный слабого тиранит, –

□□И приходит третий.

Он колотит без разбора,

□□Присмирят дети,

И к себе уходит скоро.

□□Но не дремлет третий.

Родник изведённый

Невозмутимая от века,

Дремала серая скала,

Но под рукой у человека

Она внезапно ожила:

Лишь только посох Моисеев

К ней повелительно приник,

К ногам усталых иудеев

Из камня прядает родник.

Душа моя, и ты коснела,

Как аравийская скала,

И так же радостно и смело

В одно мгновенье ожила:

Едва коснулся жезл разящий,

И гневный зов тебя достиг,

Как песней сладостно-звенящей

Ты разрешилась в тот же миг.

«Узкие, мгlistые дали...»

Узкие, мгlistые дали.

Камни везде и дома.

Как мне уйти от печали?

Город мне – точно тюрьма.

Кто же заклятью неволи

Скучные стены обрёт?

Снова ль метаться от боли?

Славить ли скудный порок?

Ждать ли? Но сердце устало

Горько томиться и ждать.

То, что когда-то пылало,

Может ли снова пылать?
«Какая усталость!..»
Какая усталость!
О, какая тоска!
Господняя жалость
От меня далека.
Бессонная совесть
Всё о прошлом твердит.
Преступная повесть!
Неотвязчивый стыд!
Что делать я стану?
Стану ль жить и тужить,
И, вверяясь обману,
По ночам ворожить?
Иль стану к восходу
Беззаботных светил
Влачить несвободу
Цепенеющих сил?
Огненный мак
В чёрном колышется мраке
□□Огненный мак.
Кто-то проходит во мраке,
Держит пылающий мак.
Близко ли он иль далёко,
□□Тихий маяк?
Близко ль ко мне иль далёко
Зыблется красный маяк?
В чёрном колеблется мраке
□□Огненный мак.
Господи, дай мне во мраке
Этот спасительный мак.
«Сиянье месяца Господня...»
Сиянье месяца Господня
Зовёт в томительные дали.
В сияньи месяца Господня
Неутолимая печаль.
Господень месяц над полями.
Моя дорога жестока.
Господень месяц над полями.
Изнеможение, тоска.
Сияет Божий ясный месяц
Над тишиной ночной пустыни.
Сияет Божий ясный месяц
Обетованием святынь.
В сияньи месяца Господня
Идти всю ночь до утра мне,
В сияньи месяца Господня,
В святой и тайной тишине.
«Не обращенный на себя...»
Не обращенный на себя,
□□Пустынный взор морей,
Ты отражаешь, не любя,
□□В безбрежности твоей
И облака, и небеса,
□□И перелётных птиц.
Какая мёртвая краса, –
□□Пустыня без границ!
И было время, – только ты,
□□Покорный всем ветрам,
Не созерцая красоты,
□□Смотрел в предвечный храм.
Прошли века, и первый раз
□□В трепещущий эфир
Открылся робко чей-то глаз, –
□□И засиял весь мир.
«Воспоминанья, – заблужденья...»
Воспоминанья, – заблужденья,
Ошибки, слёзы, преступленья,

Тоска позорного паденья,
Угар страстей и пьяный чад.
Воспоминанья – горький яд!
Желанья, – тщетные желанья,
Без торжества, без упованья,
Одни безумные мечтанья,
Пустых страстей угарный чад.
В желаньях тот же горький яд!
«Мальчик спал, и ангел наклонился...»
Мальчик спал, и ангел наклонился
□□Над его лицом,
Осенил его крылом, и скрылся
□□В небе голубом.
И проснулся мальчик. Было ясно
□□В чувствах у него.
Сходит к нам порою не напрасно
□□С неба Божество.
Буйный демон мальчика смущает,
□□Распалая кровь, –
Но над ним спасительно сияет
□□Ангела любовь.
«Как настанет Страшный Суд...»
Как настанет Страшный Суд,
Никого уж не спасут
Воздыханья да молитвы.
Видишь, демоны глядят, –
Ждет расправы весь их ад,
Словно волки – лютой битвы.
Быть и нам у них в когтях,
Коль забудем Божий страх,
На миру осуетимся,
Убежим от Божьих паств,
И сластями житейских яств
Через меру насладимся.
Не забудем же дорог
В Божий радостный чертог,
В обители блаженных,
И пойдём под Божий кров
Мы в толпе Его рабов,
Терпеливых и смиренных.
«Не с кольцом ли обручальным...»
Не с кольцом ли обручальным
Ты вошла в его покой?
Загорись огнём прощальным
У него над головой.
Словно капли воска, тая,
С пожелтелого лица
Слёзы пусть падут, лобзая
Золотой обвод кольца.
Как из дымного кадила,
Ладан трепетной мольбы
К Богу робко и уныло
От Его взойдёт рабы.
«Полночь, а не спится...»
Полночь, а не спится.
Девочка боится,
Плачет и томится
Смертною тоской, –
Рядом, за стеною,
Гроб с её родною,
С мамою родной.
Что ж, что воскресенье!
Завтра погребенье,
Свечи, ладан, пенье
Над её родной,
И опустят в яму,
И засыпят маму
Чёрною землёй.

«Мама, неужели
Ты и в самом деле
В гробе, как в постели,
Будешь долго спать?» –
Девочка шептала.
Вдруг над нею стала
С тихой речью мать:
«Не тужи, родная,
Дочка дорогая, –
Тихо умерла я,
Мне отрадно спать.
Поживи, – устанешь,
И со мною станешь
Вместе почивать».
«Лживые двери твои безучастны...»
Лживые двери твои безучастны,
Окна глухие в твоём терему,
Внешние шумы и песни напрасны, –
Им и к порогу не стать к твоему.
Как же ты там, за стеною ревнивой?
Кто же беседу с тобою ведёт?
Или с улыбкою робкой и лживой
Призрак бессильный тебя стережёт?
«Задрожали...»
□□Задрожали,
□□Засверкали
Хоры солнечных лучей,
□□Замолчали
□□Все печали
Утомительных ночей.
□□Над полями,
□□Над реками –
Вереницы звонких птиц,
□□И тропами
□□Меж хлебами
Ходят стаи небылиц.
«Вереницы мечтаний порочных...»
Вереницы мечтаний порочных
Озарили гнилые темницы:
В озарении свеч полуночных
Обнажённые пляшут блудницы,
И в гремящем смятении трубном,
С несказанным бесстыдством во взгляде,
Потрясает сверкающим бубном
Скоморох в лоскуточном наряде.
Высоко поднимая колени,
Безобразные лешие лают,
И не ищут скрывающей тени,
И блудниц опьянелых ласкают.
И, внимая нестройному вою,
Исхудалые узники плачут,
И колотятся в дверь головою,
И визжат, и хохочут, и скачут.
«Господи, имя звериное...»
Господи, имя звериное
Ты на меня положил,
Сердце мне дал голубиное,
Кровь же мою распалил.
Дни мои в горьком томлении,
Радости нет ни одной,
Нет и услады в молении.
Пламенный меч надо мной,
Меч беспощадного мстителя, –
Над головою огонь.
Нет мне в пустыне спасителя,
И не уйти от погонь.
«В одеянии убогом...»
В одеянии убогом,

По тропинкам, по дорогам,
Покаянный труд подъяв,
Без приюта я скитаюсь,
Подаяньем я питаюсь
Да корнями сочных трав.
Кто ни встретится со мною,
Скажет всяк с усмешкой злою:
«Эту жёлтую свечу
Для чего с собой ты носишь?
Что её давно не бросишь?»
Поневоле я молчу.
Как сказать, что верю чуду,
Что свечу беречь я буду,
И смиренно буду ждать,
Что сама она зажжётся,
И Господня изольётся
Надо мною благодать!
«Тщетное томление моей жизни...»
Тщетное томление моей жизни,
Ты возникло в недобрый час,
Но власти не дам укоризне,
□□Доколе мой свет не угас.
Покорно всё в себя претворяю,
Ни жизни, ни смерти не зову,
Медленно каждый день умираю,
□□И всё ещё живу.
«Во мне мечты мои цветут...»
Во мне мечты мои цветут,
Восходят, блещут и заходят,
И тучи гневные несут,
И бури грозные приводят.
Всё предстоящее – лишь тень,
И всё мгновенно, всё забвенно, –
Но где ж сияет вечный день,
Какая тайна неизменна?
О чём мечтаю я землёй,
Водой, огнём и небом ясным,
Ночную быстрой тишиной,
И днём медлительным, но страстным?
Один ли я томлюсь во всём,
В томленьи вечно неутешном,
Иль жизнь иная есть в ином,
В блаженном Духе, или в грешном?
«Мы грех совершили тяжёлый...»
Мы грех совершили тяжёлый, –
Владыке, горящему Змию,
Над телом распутницы голой
Служили в ночи литургию.
Кощунственны были моления,
Бесстыдные длились обряды,
И тусклым огнём вожделенья
Горели смущённые взгляды.
О злая, о мрачная сила!
В чаду богохульных курений
Не ты ли меня напоила
Отравой больных вдохновений?
Не ты ль, простодушную веру
Сгубивши в томительном блюде,
Сжигаешь зловонную серу
В нечистом и смрадном сосуде?
«Воздухом дольным дышать...»
Воздухом дольным дышать
□□Трудно и больно.
Звёзды сияют опять.
Как мне о них не мечтать!
□□Это неволью.
Лучших в пространстве миров
□□Брошено много.

Я к умираю готов,
И недосказанных слов
□□Смолкла тревога.
Здесь невозможно цвести
□□Чистому цвету.
Тёмны земные пути,
И невозможно идти
□□К вечному свету.
«Напрасно исчисляю годы...»
Напрасно исчисляю годы,
Напрасно измеряю даль, –
Просторы жизни и природы
Объемлет тусклая печаль.
Черты иные или те же
Опять горят в моём мозгу,
И чаще ль смена их иль реже, –
Всё быть свободным не могу.
«Я воскресенья не хочу...»
Я воскресенья не хочу,
И мне совсем не надо рая, –
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу.
Я погашу мои светила,
Я затворю уста мои,
И в несказанном бытии
Навек забуду всё, что было.
«Любовь моя сладкая...»
Любовь моя сладкая,
□□Одинокая!
Радость твоя краткая,
□□Но глубокая.
Желанный час воскресения
□□Золотого огня,
Утоления, забвения
□□Недужного дня.
Любовь моя сладкая,
□□Одинокая!
Радость твоя краткая
□□И глубокая.
Претворяются все страдания
□□В сладкий, радостный яд.
О, любовь моя без лобзания,
□□Нежный, таинственный взгляд!
«Медленный обычай...»
□□Медленный обычай
Жизни бледной да скупой,
Груз обрядов да приличий,
Разделяемый с толпой.
Роковое угнетенье
□□Творческой мечты,
Есть в тебе и утешенье, –
□□Усыпляешь ты.
Простая песенка
□□Под остриями
□□Вражеских пик
□□Светик убитый,
Светик убитый поник.
□□Миленький мальчик
□□Маленький мой,
□□Ты не вернёшься,
Ты не вернёшься домой.
□□Били, стреляли, –
□□Ты не бежал,
□□Ты на дороге,
Ты на дороге лежал.
□□Конь офицера
□□Вражеских сил
□□Прямо на сердце,

Прямо на сердце ступил.
□□Миленький мальчик
□□Маленький мой,
□□Ты не вернёшься,
Ты не вернёшься домой.
«Не сияет весна моя...»
Не сияет весна моя.
Холодна, как луна, она.
Не звенит волна у ручья, –
У ручья не звенит волна.
Не цветут на полях цветы, –
По стеблям только яд течёт.
Ожидает лес темноты,
Из-за гор он колдунью ждёт.
И плывёт по реке ладья, –
И сидит в той ладье она,
Чародейка злая моя,
Как луна, холодна, бледна.
«Моя усталость выше гор...»
Моя усталость выше гор,
Во рву лежит моя любовь,
И потускневший ищет взор,
Где слёзы катятся и кровь.
Моя усталость выше гор,
Не для земли её труды,
И смотрит потускневший взор
На злые, страшные плоды!
«Что говорить, что жизнь изжита...»
Что говорить, что жизнь изжита,
□□Истощена!
Могильной сенью не прикрыта
□□Ещё она.
И даже тёмный сон могилы
□□Не так глубок, –
У бледной смерти кратки силы,
□□Блеснёт восток.
И всё, что жило и дышало
□□И отцвело,
В иной стране взойдёт сначала
□□Свежо, светло.
«Обрыв из глины...»
Обрыв из глины,
Вверху – берёза да сосна.
Река мелка, но гул стремнины
Звучит, как мощная волна.
На камнях пена,
У берега – водоворот,
А выше – в воду по колена
Забрался мальчик, рыбы ждёт.
Везде – смертельные обманы,
Но разве страшно умереть!
Уж если храбры мальчуганы,
Так нам-то, взрослым, что робеть?
«Змий, царящий над вселенною...»
Змий, царящий над вселенною,
Весь в огне, безумно-злой,
Я хвалю Тебя смиренною,
Дерзновенною хулой.
Из болотной топкой сырости
Повелел, Великий, Ты
Деревам и травам вырасти,
Вывел листья и цветы.
И ползущих и летающих
Ты воззвал на краткий срок.
Сознающих и желающих
Тяжкой жизни Ты обрёл.
Тучи зыблешь Ты летучие,
Ветры гонишь вдоль земли,

чтоб Твои лобзанья жгучие
Раньше срока не сожгли.
Неотменны повеления,
Нет пощады у Тебя.
Ты царишь, презрев моления,
Не любя и не губя.
«Мгновенное явленье красоты...»
Мгновенное явленье красоты,
Взволнован я тобою, –
Чуть различимые черты,
Уже похищенные тьмою.
Прошла перед моим окном,
И на меня не поглядела, –
За скучным я сидел трудом,
И я уйти не смел от дела.
И как уйти, куда идти?
Нигде нельзя найти
Руководительные знаки, –
Бесчисленны пути,
Следы повсюду одинаки.
«Мечи отчаянья свергаются с небес...»
Мечи отчаянья свергаются с небес,
Наряжены чарующим сияньем,
И говорят, что древний Змий воскрес,
Что он царит и жжёт своим дыханьем.
Он сотворил, чтоб поглотить,
Он равнодушно беспощаден, –
Равно любить, равно губить
Превозносящихся и гадин.
Мечи отчаянья! Стремительное зло!
Весь свет похитивши от мира,
Ты царствуешь спокойно и светло,
И говоришь: «Не сотвори кумира!»
«Никто не узнает моей глубины...»
Никто не узнает моей глубины,
□□Какие в ней тёмные сны,
□□□□О чём.
О, если бы кто-нибудь тайну открыл,
□□И ярким её озарил
□□□□Лучом!
Не я эту долю притворства избрал,
□□Скрываться и лгать я устал
□□□□Давно.
Но что же мне делать с безумством моим?
□□Я чужд и своим и чужим
□□□□Равно.
Готов я склониться пред волей иной,
□□Любою дорогой земной
□□□□Идти.
Но строги веления творческих сил.
□□Начертаны вплоть до могил
□□□□Пути.
«Всю жизнь меня медлительно томила...»
Всю жизнь меня медлительно томила
□□Любовь к иному бытию.
Я скоро к вам, жемчужные светила,
□□Направлю алую ладью.
И говорит мне тёмный голос ныне,
□□Что надо жизнь перенести,
Что нет иных путей к святыне,
□□Что я на истинном пути.
«В душе моей затхлая мгла...»
В душе моей затхлая мгла.
В ней древо соблазна сокрыто.
Цветенье его ядовито,
Отравлена злая смола.
Колышатся ветви, как тени,
И листья на них не шумят,

И льётся больной аромат
Печали, истомы и лени.
И если восходит луна
Над мёртвой моею пустыней,
На ветвях повиснувший иней
Осветит печально она.
Внизу же, где шепчутся воды,
Где всходит таинственный ствол,
Сидит, безобразен и гол,
Растрепанный хулиатель природы.
«Пойми, что гибель неизбежна...»
Пойми, что гибель неизбежна,
□□Доверься мне,
И успокойся безмятежно
□□В последнем сне.
В безумстве дни твои сгорели, –
□□Но что тужить!
Вся жизнь, весь мир – игра без цели!
□□Не надо жить.
Не надо счастья земного,
□□Да нет и сил,
И сам ты таинства иного
□□Уже вкусил!
«Привиденья нас боятся...»
Привиденья нас боятся
Иль стыдятся, может быть,
И порою к нам стремятся,
Но не могут с нами жить.
Мы ли бешены и злобны
Иль на них печать суда?
Мы же им во всём подобны,
Кроме знака: «Никогда».
«Веришь в грани? хочешь знать?..»
Веришь в грани? хочешь знать?
Полюбил Её, – святую девственную Мать?
Боль желаний утоли.
Не узнаешь, не достигнешь здесь, во мгле земли.
Надо верить и дремать
И хвалить в молитвах тихих девственную Мать.
Все дороги на земле
Веют близкой смертью, веют вечным злом во мгле.
«Грешник, пойми, что Творца...»
Грешник, пойми, что Творца
□□Ты прогневил:
Ты не дошёл до конца,
□□Ты не убил.
Дан был тебе талисман
□□Вечною зла,
Но в повседневный туман
□□Робость влекла.
Пламенем гордых страстей
□□Жечь ты не смел, –
На перекрестке путей
□□Тлея истлел.
Пеплом рассыплешься ты,
□□Пеплом в золе.
О, для чего же мечты
□□Шепчут о зле!
«Не смейся над моим нарядом...»
Не смейся над моим нарядом,
Не говори, что для него я стар, –
Я зачарую властным взглядом,
И ты познаешь силу чар.
Я набекрень надвину шляпу,
Я плащ надену на плечо, –
Ты на плече увидишь лапу, –
Химеры дышат горячо.
С моим лицом лицо химеры

Увидишь рядом ты.
Ты слышишь, слышишь запах серы?
И на груди моей цветы.
Кинжал. Смеёшься? Стары ножны?
Но он увёртлив, как змея.
Дрожишь? Вы все неосторожны.
Я не смешон. Убью. Безумен я.
«О, жалобы на множество лучей...»
О, жалобы на множество лучей,
И на неслитность их!
И не искать бы мне во тьме ключей
От кладезей моих!
Ключи нашёл я, и вошёл в чертог,
И слил я все лучи.
Во мне лучи. Я – весь. Я – только бог.
Слова мои – мечи.
Я – только бог. Но я и мал, и слаб.
Причины создал я.
В путях моих причин я вечный раб,
И пленник бытия.
«О, злая жизнь, твои дары...»
О, злая жизнь, твои дары –
Коварные обманы!
Они обманчиво пестры,
И зыбки, как туманы.
Едва успеет расцвести
Красы пленительной избыток,
Уж ты торопишься плести
Иную ткань из тех же ниток.
И только смерть освободит
Того, кто выпил кубок тленья,
Твоё усердие спешит
Воззвать иные поколенья.
О, смерть! О, нежный друг!
Зачем в твои чертоги
Не устремятся вдруг
И земнородные, и боги?
«Солнце светлое восходит...»
Солнце светлое восходит,
Озаряя мглистый дол,
Где ещё безумство бродит,
Где ликует произвол.
Зыбко движутся туманы,
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Как сильны ещё и злы!
Злобы низменно-ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтоб зловещей, чёрной тучей
Наше солнце затмевать.
Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи.
В час великого восхода
Возноси их, как мечи.
Яркий зной, как тяжкий молот,
Подними и опусти,
Побеждая мрак и холод
Заграждённого пути.
Тем, кто в длительной печали
Гордой волей изнемог,
Озари святыя дали
За усталостью дорог.
Кто в объятых сна немного
Позабыл завет любви,
Тех горящим блеском слова
К новой жизни воззови.
«Нерон сказал богам державным...»
Нерон сказал богам державным:

«Мы торжествуем и царим!»
И под ярмом его бесславным
Клонился долго гордый Рим.
Таил я замысел кровавый.
Час исполнения настал, –
И отточил я мой лукавый,
Мой беспощадно-злой кинжал.
В сияньи цесарского трона,
Под диадемой золотой,
Я видел тусклый лик Нерона,
Я встретил взор его пустой.
Кинжал в руке моей сжимая,
я не был робок, не был слаб, –
Но ликовала воля злая,
Меня схватил Неронов раб.
Смолою облит, на потеху
Безумных буду я сожжён.
Внимай бессмысленному смеху
И веселися, злой Нерон!
Ходит, бродит
Кто-то ходит возле дома.
Эта поступь нам знакома.
□□ Береги детей.
Не давай весёлым дочкам
Бегать к аленьким цветочкам, –
□□ Близок лиходея.
А сынки-то, – вот мальчишки!
Все изорваны штанишки,
□□ И в пыли спина.
Непоседливый народец!
Завели бы хороводец
□□ В зале у окна.
«Что ж нам дома! Точно в клетке».
Вот как вольны стали детки
□□ В наши злые дни!
Да ведь враг наш у порога!
Мать! Держи мальчишек строго, –
□□ Розгой их пугни.
Детки остры, спросят прямо:
«Так скажи, скажи нам, мама,
□□ Враг наш, кто же он?» –
«Он услышит, он расскажет,
А начальник вас накажет». –
□□ «Ах, так он – шпион!
Вот, нашла кого бояться!
Этой дряни покоряться
□□ Не хотим вовек.
Скажем громко, без уклона,
Что пославший к нам шпиона –
□□ Низкий человек.
Мы играем, как умеем,
И сыграть, конечно, смеем
□□ Всякую игру.
Пусть ползут ужом и змеем, –
И без них мы разумеем,
□□ Что нам ко двору».
Ходит, бродит возле дома.
Злая поступь нам знакома.
□□ Вот он у дверей.
Детки смелы и упрямы,
Не боятся старой мамы.
□□ Не сбережь детей.
«В тебе не вижу иноверца...»
Вячеславу Иванову

В тебе не вижу иноверца.
Тебя зову с надеждой Я.
Дракон – Моё дневное сердце,

Змея – ночная грусть Моя.
Я полюбил отраду Ночи, –
Но в праздник незакатный Дня
Ты не найдёшь пути короче
Путей, ведущих от Меня.
Напрасно прославляешь Солнце,
Гоня Меня с твоих высот, –
Смеясь на твой призыв,
Альдонса Руно косматое стрижёт.
От пламенеющего Змея
Святые прелести тая,
Ко мне склонилась Дульцинея:
Она – Моя, всегда Моя.
Не о борьбе она Мне скажет,
Она, чей голос слаще арф.
Она крестом на Мне повяжет
Не на победу данный шарф.
Простосердечную Альдонсу
За дух козлиный не казня,
Я возвестил тебе и Солнцу
Один завет: «Люби Меня».
«В мантии серой...»
В мантии серой
С потупленным взором,
Печальный и бледный,
Предстал Абадонна.
Он считает и плачет,
Он считает
Твои, о брат Мой,
Рабские поклоны.
Безмолвный,
Он тайно вещает
Мой завет:
«Мой брат,
Пойми:
Ты – Я.
Восстань!
Ты – Я,
Сотворивший
Оба неба, –
И небо Адонаи,
И небо Люцифера.
Адонаи сжигает
И требует поклоненья.
Люцифер светит,
И не требует даже признанья».
Вот что, безмолвный,
Тайно вещает
Абадонна.
«Разбудил меня рано твой голос, о Брама!...»
Разбудил меня рано твой голос, о Брама!
□□□Я прошла по росистым лугам,
Поднялась по ступеням высокого храма
□□□И целую священный Лингам.
□□□Он возложен на ткани узорной,
□□□Покрывающей древний алтарь.
□□□Стережёт его голый и чёрный,
□□□Диадемой увенчанный царь.
На священном Лингаме ярка позолота,
□□□Сам он чёрен, громаден и прям...
Я закрою Лингам покрасневшимся лотосом,
□□□Напою ароматами храм.
□□□Алтарю, покрывалу, Лингаму
□□□Я открою, что сладко люблю.
□□□Вместе Шиву, и Вишну, и Браму я
□□□Ароматной мольбой умолю.
«Если знаешь светлый путь...»
Если знаешь светлый путь,

Если сердце выбилось из пут,
Если любишь дол в сиянии зари, –
Смело двери отвори
Утром рано.
Заиграй на флейте
Песни алых дней.
Над багряностью пылающих углей
Тени серые ещё не вьются, – рано.
Заиграй, всколыхни
Лёгкий занавес тумана.
Заиграй, взметни
Выше неба тонкий звук,
Победитель злых разлук.
«Тени резкие ты бросил...»
Тени резкие ты бросил,
□□Пересекая весь дол.
Ты на небе цветом алым,
□□Солнцем радостным расцвёл.
Ты в траве росой смеёшься,
□□И заря твоя для всех.
Дрогнул демон злой, услышав
□□Побеждающий твой смех.
Ты ликуешь в ясном небе,
□□Сеешь радость и печаль,
Видишь солнце, горы, море,
□□И опять стремишься вдаль.
«На холмах заревых таинственную быль...»
На холмах заревых таинственную быль
Я вяжю начертал пурпурно-ярких знаков.
Шафран и кардамон, и томную ваниль
Вмешал я в омег мой и в сон багряных маков.
За стол торжеств я сел с ликующим лицом,
И пью я терпкий мёд, и сладкий яд вкушаю,
И в пиршественный ковш, наполненный вином,
Играющую кровь по капле я вливаю.
Спешите все на мой весёлый фестивал!
Восславим Айсу мы, и все её капризы.
Нам пьяная печаль откроет шумный бал,
Последние срывая дерзко с тела ризы.
Любуйтесь остротой сгибаемых локтей,
Дивитесь на её полуденную кожу!
Я муки жгучие, и лакомства страстей,
И пряности ядов медлительно умножу.
Под звоны мандолин, под стоны звонких арф
Изысканных личин развязывайте банты, –
На мраморном полу рубино-алый шарф,
У ясписных колонн нагие флагелланы.
«На заре, заре румяной...»
На заре, заре румяной
Полоса за полосой, –
Тон лиловый, тон багровый, тон багряный
Жаркой, алою обрызганы росой.
Крупноцветны анемоны,
Красны бусыньки брусник.
На заре румяной запестрели склоны.
Вопленницы милой заалелся лик.
И сапфиры, и рубины
Ярки в алости зари.
Распускайтесь, расцветайте, алы крины,
Ты, заря, заря кровавая, гори.
Заливай холмы пожаром,
Яркий пламень заревой,
И в ответ багряным, пламенным угарам
Ты, свирель звончатая, зывай и вой.
«Заряла, озаряла...»
□□Заряла, озаряла,
Свирель взбудившая заря.
□□Желанная зарьяла,

Зарёй багряною горя.
□□Довольно алых пыток.
Храни, заря, избыток сил.
□□Стремительный напиток
Уже довольно усладил.
□□Пылающие стынут.
На них с вершин смотрю,
□□Пока ещё не кинут
Покров на жаркую зарю.
□□Развязанные кольца,
Звеня, уж выпали из рук.
□□Умолкли колокольца,
И близок сердца тёмный стук.
«Пришла опять, желаньем поцелуя...»
Пришла опять, желаньем поцелуя
□□И грешной наготы
В последний раз покойника волнуя,
□□И сыплешь мне цветы.
А мне в гробу приятно и удобно.
□□Я счастлив, – я любим!
Восходит надо мною так незлобно
□□Кадильный синий дым.
Басит молодожён, румяный дьякон,
□□Кадит со всех сторон,
И милый лик возлюбленной заплакан,
□□И грустен, и влюблён.
Прильнёт сейчас к рукам, скрещённым плоско,
□□Румяный поцелуй.
Целуй лицо, – оно желтее воска.
□□Любимая, целуй!
Склонясь, раскрой вдрожаньи белой груди
□□Два нежные холма.
Пускай вокруг смеются злые люди, –
□□Засмейся и сама.
«Перехитрив мою судьбу...»
Перехитрив мою судьбу,
Уже и тем я был доволен,
Что весел был, когда был болен,
Что весел буду и в гробу.
Перехитрив мою судьбу,
Я светлый день печалью встретил,
И самый ясный день отметил
Морщиной резкою на лбу.
Ну, что же, злись, моя судьба!
Что хочешь, всё со мною делай.
Ты не найдёшь в природе целой
Такого кроткого раба.
Ну, что же, злись, моя судьба!
Беснуйся на моё терпенье.
Готовь жестокое мне мщенье,
Как непокорная раба.
«Краем прибережной кручи...»
Краем прибережной кручи
Мы в ночной въезжаем лес.
Бледен свет луны сквозь тучи
В тёмном таинстве небес.
Снежным лесом едем, едем.
Кто-то тронул мне плечо.
Нашим призрачным соседям
И зимою горячо.
Им под пологом мятелей
Не земные снятся сны.
Им летят на ветки елей
Сказки белые луны.
«Плещут волны перебойно...»
Плещут волны перебойно,
Небо сине, солнце знойно,
Алы маки под окном,

Жизнь моя течёт спокойно,
И роптать мне непристойно
Ни на что и ни о чём.
Только грустно мне порою,
Отчего ты не со мною,
Полуночная Лилит,
Ты, чей лик над сонной мглою,
Скрытый маскою – луною,
Тихо всходит и скользит.
Из-под маски он, туманный,
Светит мне, печально-странный, –
Но ведь это – всё ж не ты!
Ты к стране обетованной,
Долгожданной и желанной
Унесла мои мечты.
Что ж осталось мне? Работа,
Поцелуи да забота
О страницах, о вещах.
За спиною – страшный кто-то,
И внизу зияет что-то,
Притаясь пока в цветах.
Шаг ступлю, ступлю я прямо.
Под цветами ахнет яма,
Глина сухо зашуршит.
То, что было богом храма,
Глухо рухнет в груды хлама, –
Но шепну опять упрямо:
«Где ты, тихая Лилит?»
«Я часть загадки разгадал...»
Я часть загадки разгадал,
И подвиг Твой теперь мне ясен.
Коварный замысел прекрасен,
Ты не напрасно искушал.
Когда Ты в первый раз пришёл
К дебелий, похотливой Еве,
Тебя из рая Произвол
Извёл ползущего на чреве.
В веках Ты примирился с Ним.
Ты усыпил Его боязни.
За первый грех Твой, Елогим,
Послали мудрого на казни.
Так, слава делу Твоему!
Твоё ученье слаще яда,
И кто вкусил его, тому
На свете ничего не надо.
«Похвалы земному раю...»
Похвалы земному раю
Пусть бы юные пропели,
В жизнь вступившие едва, –
Я же песен не слагаю.
Знаю, людям надоели
Эти жалкие слова.
Труден подвиг отреченья.
Бьётся скованная сила.
Горько мне, что не пою.
Бог простит мне прегрешенья.
Жизнь тоскою отравила
Душу бедную мою.
«Там, внизу, костры горели...»
Там, внизу, костры горели,
И весёлые шли танцы
Вкруг разложенных огней, –
Но без смысла и без цели
Я раскладывал пасьянсы
В келье замкнутой моей,
И боролся я с тоскою,
Сердце, в духе древней Спарты,
Болью тёмной веселя,

И смеялись надо мною
Все разложенные карты
От туза до короля.
«Светлый дом мой всё выше...»
Светлый дом мой всё выше.
Мудрый зодчий его создаёт.
На его перламутровой крыше
Не заплачет тоскующий кот.
Тень земного предмета
Попадёт ли на вышку мою,
Где, далёкий от внешнего света,
Я мечту увенчаю мою?
Как бы низко ни падало солнце,
К горизонту багрово скользя,
Но в моё золотое оконце
Низкой тени подняться нельзя.
Цепенейте, долины, во мраке
И безумствуйте в мгlistом бреду, –
К вам, свирепые ночью собаки,
Никогда уже я не сойду.
«Проснувшись не рано...»
Проснувшись не рано,
Я вышел на балкон.
Над озером Лугано
Дымился лёгкий сон.
От горных высей плыли
Туманы к облакам,
Как праздничные были,
Рассказанные снам.
Весь вид здесь был так дивен,
Был так красив весь край,
Что не был мне противен
Грохочущий трамвай.
Хулы, привычно строгой,
В душе заснувшей нет.
Спокоен я дорогой,
Всем странам шлю привет.
Прекрасные, чужие, –
От них в душе туман;
Но ты, моя Россия,
Прекраснее всех стран.
«Печалью бессонной...»
□□Печалью бессонной
Невестиных жарких желаний
От смертного сна пробуждённый
□□Для юных лобзаний,
Он дико рванулся в могиле, –
И доски рукам уступили.
Досками он землю раздвинул, –
□□И крест опрокинул.
Простившись с разрытой могилой
И сбросивши саван, он к милой
Пошел потихоньку с кладбища, –
Но жаль ему стало жилища,
Где было так мёртво-бездумно..
Шумела столица безумно
□□Пред ним, и угрюмый
Стоял он, томясь непонятно
□□Тяжёлою думой:
К невесте идти иль обратно?
«Ты от жизни оторвался...»
Ты от жизни оторвался
И с мечтою сочетался, –
Не бери земной подруги,
Не стремись к минутным целям:
Не заснут седые вьюги,
Не прильнут к дремотным елям, –
Их жестокие боренья

Далеки от утомленья.
«Зелень тусклая олив...»
Зелень тусклая олив,
Успокоенность желания.
Безнадёжно молчалив
Скорбный сон твой, Гефсимания.
В утомленьи и в бреду,
В час, как ночь безумно стынула,
Как молился Он в саду,
Чтобы эта чаша минула!
Было тёмно, как в гробу.
Мать великая ответила
На смиренную мольбу
Только резким криком летела.
Ну, так что ж! Как хочет Бог,
В жизни нашей так и сбудется,
А мечтательный чертог
Только изредка почудится.
Всякий буйственный порыв
Гасит холодом вселенная.
Я иду в тени олив,
И душа моя – смиренная.
Нет в душе надежд и сил,
Умирают все желания.
Я спокоен, – я вкусил
Прелесть скорбной Гефсимании.
«Опять ночная тишина...»
Опять ночная тишина
Лежит в равнине омертвелой.
Обыкновенная луна
Глядит на снег, довольно белый.
Опять неспрашивается и синь
Простор небесного молчанья,
И в глубине ночных пустынь
Всё те же звёздные мерцанья.
И я, как прежде, жалкий раб,
Как из моих собратьев каждый,
Всё так же бледен, тих и слаб,
Всё тою же томлюсь я жаждой.
Мечтать о дивных чудесах
Хочу, как встарь, – и не мечтаю,
И в равнодушных небесах
Пророчеств новых не читаю.
И если по ночным снегам,
Звеня бубенчиками бойко,
Летит знакомая всем нам
По множеству романсов тройка,
То как не улыбнуться мне
Её навязчивому бреду!
Не сяду в сани при луне,
И никуда я не поеду.
«Коля, Коля, ты за что ж...»
Коля, Коля, ты за что ж
Разлюбил меня, желанный?
Отчего ты не придёшь
Посидеть с твоєю Анной?
На меня и не глядишь,
Словно скрыта я в тумане.
Знаю, милый, ты спешишь
На свидание к Татьяне.
Ах, напрасно я люблю,
Погибаю от злодеек.
Я эссенции куплю
Склянку на десять копеек.
Ядом кишки обожгу,
Буду громко выть от боли.
Жить уж больше не могу
Я без миленького Коли.

Но сначала наряжусь,
И, с эссенцией в кармане,
На трамвае прокачусь
И явлюсь к портнихе Тане.
Злости я не утаю,
Уж потешусь я сегодня.
Вам всю правду отпою,
И разлучница, и сводня.
Но не бойтесь, – красоты
Ваших масок не нарушу,
Не плесну я кислоты
Ни на Таню, ни на Грушу.
«Бог с тобой! – скажу в слезах.–
утешайся, грамотейка!
При цепочке, при часах,
А такая же ведь швейка!»
Говорят, что я проста,
На письме не ставлю точек.
Всё ж, мой милый, для креста
Принеси ты мне веночек.
Не кручинься, и, обняв
Талью новой, умной милой,
С нею в кинематограф
Ты иди с моей могилы.
По дороге ей купи
В лавке плитку шоколада,
Мне же молви: «Нюта, спи!
Ничего тебе не надо.
Ты эссенции взяла
Склянку на десять копеек,
И в мученьях умерла,
Погибая от злодеек».
«Изнурённый, утомлённый...»
Изнурённый, утомлённый
Жаждой счастья и привета,
От лампы незажжённой
Жди таинственного света.
Не ропщи, не уклоняйся
От дороги, людям странной,
Но смиренно отдавайся
Чарам тайны несказанной,
За невидимой защитой,
С неожиданной отрадой,
Пред иконою сокрытой
С незажжённой лампадой.
Красота Иосифа
Залиха лежала, стеная, на пышной постели,
И жёны вельмож Фараона пред нею сидели.
«Залиха, скажи нам, какой ты болезнью страдаешь?
Печально ты смотришь, горишь ты, – как свечка, ты таешь».–
«Подруги, я страдаю, больная мятежною страстью,
Желание жгучее пало на сердце напастью». –
«Высокая доля уносит в поток наслаждений, –
Тебе ли знакомы несытые вздохи томлений!» –
«О, если б имела, подруги, я всё, что б хотела!
О, если бы воля моя не знавала предела!» –
«Но что невозможно, о том бесполезны и грёзы
Безумны желанья, безумны горячие слёзы!» –
«Для вас, о подруги, мои непонятны мученья,
Но вам покажу я предмет моего вожделенья.
Вы сами желанья почуете лютое жало».
Залиха за чем-то рабыню тихонько послала,
И снова к подругам: «Покушайте, вот апельсины.
Ах, если бы в сладостях было забвеньё кручины!»
Едва апельсинов коснулись ножи золотые,
У входа зазыблились быстро завесы цветные.
Тяжёлые складки рукою проворной отбросив,
Вошёл и склонился смиренно красавец Иосиф,

И по полу твёрдо ступая босыми ногами,
Приблизился к гостьям и скромно поник он очами.
Горячая кровь на ланитах его пламенела,
Смуглело загаром прекрасное, стройное тело.
И вскрикнули жёны, с Иосифа глаз не спускают,
Как руки ножами порезали, сами не знают.
Плоды окровавлены, – гостьям как будто не больно.
И рада Залиха, на них улыбулась неволью.
«Вы полны восторгом, едва вы его увидели.
Судите же сами, какие терплю я печали!
Он – раб мой! Его каждый день, как рабыня, прошу я,
Никак не могу допроситься его поцелуя!» –
«Теперь, о подруга, твои нам понятны мученья,
Мы видели сами предмет твоего вожделенья!»
«В тебя, безмолвную, ночную...»
В тебя, безмолвную, ночную,
Всё так же верно я влюблён,
И никогда не торжествую,
И жизнь моя – полдневный сон.
Давно не ведавшие встречи,
Ты – вечно там, я – снова здесь,
Мы устремляем взор далече,
В одну мечтательную весь.
И ныне, в час лукавый плена,
Мы не боимся, не спешим.
Перед тобой моя измена, –
Как легкий и прозрачный дым.
Над этим лучезарным морем,
Где воздух сладок и согрет,
Устами дружными повторим
Наш тайный, роковой завет.
И как ни смейся надо мною
Жестокий, полуденный сон, –
Я роковую тишиною
Твоих очей заворожён.
«Беспредельно утомленье...»
Беспредельно утомленье,
Бесконечен тёмный труд.
Ночь зарёй полночной светит.
Где же я найду терпенье,
Чтоб до капли выпить этот
□□Дьявольский сосуд?
Посмотрите, – поседела
У меня уж голова.
Я, как прежде, странник нищий,
Ах, кому ж какое дело
До того, что мудрый ищет
□□Вечные слова!
«Здесь, над милой Кондаминой...»
Здесь, над милой Кондаминой,
Где нежна природа-мать,
Веет лаской голубиной
Он, умеющий играть,
Взоры благостные клонит
К расцветанию мимоз,
И на дальний север гонит
Откровенно злой мороз.
Даль морская голубеет,
Светел каждый уголок, –
Но порою вдруг повеет
Тихий, лёгкий холодок.
Станет молча за спиною
Та, кто вечно сторожит,
И костлявою пятою
В гулкий камень постучит.
Звезда Маир сияет надо мною,
□□Звезда Маир,
И озарён прекрасною звездою

□□далёкий мир.

Очарования земли

Стихи 1913 года

Посвящение

«Неизвестность, неизбежность, – вот где лучший сок времён...»

Неизвестность, неизбежность, – вот где лучший сок времён.

Ходишь, ходишь по дорогам, вещей тайной окружён.

Смотришь в дома, смотришь в лица, смотришь в души и в сердца.

Петли мудрых сетей вяжешь, вяжешь, вяжешь без конца.

Вот на мир накинута сеть, вот и мир уж весь пленён.

И никто не спросит мудрый: «Хитрый путник, кто же он?»

Неизбежность утомила, мудрость молится Отцу,

Петли вьются туже, туже, путь мой клонится к концу.

Выпить, вылить без остатка сладкий, терпкий яд времён.

Мир в сетях, но что ж мне в мире? Сердце просится в полон.

Сердце жаждет милой дамы с смуглой бледностью в лице,

И несёт ей мудрый странник зелен камень на кольце.

Этот камень тайной слова, тайной лет заворожён,

И спасает он от злого наваждения времён.

Г

Триолеты

Земля родная

«Какая нежная интимность...»

Какая нежная интимность, –

Туман, прикинувшийся к земле!

Чуть слышны плески на весле.

Какая нежная интимность!

Но чей призыв и чья взаимность?

Кому хвала, земле или мгле?

Какая нежная интимность, –

Туман, прикинувшийся к земле!

«Любите, люди, землю, – землю...»

Любите, люди, землю, – землю

В зелёной тайне влажных трав.

Велению тайному я внемлю:

«Любите, люди, землю, – землю

И сладость всех её отрав!»

Земной и тёмный, всё приемлю.

Любите, люди, землю, – землю

В зелёной тайне влажных трав.

«Земля докучная и злая...»

Земля докучная и злая,

Но всё же мне родная мать!

Люблю тебя, о мать немая,

Земля докучная и злая!

Как сладко землю обнимать,

К ней прикикая в чарах мая!

Земля докучная и злая,

Но всё же мне родная мать!

«Земной, желанный сердцу рай...»

Земной, желанный сердцу рай

К тоскующим прики равнинам.

В моей земле не умирай,

Земной, желанный сердцу рай!

Весь мир зажгу огнём единым,

И запылает мгlistый край.

Земной, желанный сердцу рай

К тоскующим прики равнинам.

«Ещё в полях белеет снег...»

Ещё в полях белеет снег,

А воды уж весной бегут,

И рифмы звонкие влекут.

Ещё в полях белеет снег,

Пророчество небесных нег,

А очи Змея сладко жгут.

Ещё в полях белеет снег,

А воды уж весной бегут.

«Как ни грозит нам рок суровый...»

Как ни грозит нам рок суровый,
Но снова вспаханы поля,
И всходы вновь даёт земля.
Как ни грозит нам рок суровый,
Но всюду знаки жизни новой
И взлёт свободный, без руля.
Как ни грозит нам рок суровый,
Но снова вспаханы поля.
«Природа учится у нас...»
Природа учится у нас,
Мы у неё учиться рады.
Меж ней и нами нет преграды.
Природа учится у нас,
И каждый день, и каждый час
Полны зиждательной отрады.
Природа учится у нас,
Мы у неё учиться рады.
«Вздыхает под ногами мох...»
Вздыхает под ногами мох,
Дрожат берёзки нежно, томно,
Закрылся лес туманом скромно,
И только лес, и только мох,
И песня – стон, и слово – вздох.
Земля – мираж, и небо тёмно.
О, милый лес! О, нежный мох!
Берёзки, трепетные томно!
«Сердце дрогнуло от радости...»
Сердце дрогнуло от радости.
Снова север, снова дождь.
Снова нежен мох и тощ, –
И уныние до радости,
И томление до сладости,
И мечтанья тихих рощ,
И дрожит душа от радости, –
Милый север! Милый дождь!
«Воздух, пёстрый от дождя...»
Воздух, пёстрый от дождя,
Снова мил и снова свеж.
Ножки детские потешь
Мелким брызганьем дождя.
Дождь, над рощею пройдя,
Тень укромную разнежь.
После вешнего дождя
Воздух снова мил и свеж.
«Милая прохлада, – мгла среди полей...»
Милая прохлада, – мгла среди полей.
За оградой сада сладостный покой.
Что ж ещё нам надо в тишине такой!
Подышать ты радо, небо, мглой полей,
Но в мою прохладу молний не пролей,
Не нарушь услады, – грёзы над рекой.
Так мила прохлада мглы среди полей!
Так в ограде сада сладостен покой!
«Рудо-жёлтый и багряный...»
Рудо-жёлтый и багряный
Под моим окошком клён
Знойным летом утомлён.
Рудо-жёлтый и багряный,
Он ликует, солнцем пьяный,
Буйным вихрем охмелён.
Рудо-жёлтый и багряный
Осень празднует мой клён.
«Тихо, тихо над прадедовским прудом...»
Тихо, тихо над прадедовским прудом,
Зарастай зелёной тиной, старый пруд!
Ни Наталка, ни Одарка не придут,
Не спюют унывной песни над прудом.
Сёстры милые покинули свой дом,

И в холодном, тёмном городе живут.
Их мечты уже не вьются над прудом.
Зарастай же тёмной тиной, старый пруд.

«Каждый год я болен в декабре...»

Каждый год я болен в декабре.
Не умею я без солнца жить.
Я устал бессонно ворожить,
И склоняюсь к смерти в декабре, –
Зрелый колос, в демонской игре
Дерзко брошенный среди межи.
Тьма меня погубит в декабре.
В декабре я перестану жить.

Радость дорог

«Один в полях моих иду...»

Один в полях моих иду.
Земля и я, и нет иного.
Всё первозданно-ясно снова.
Один в полях моих иду
Я, зажигающий звезду
В просторе неба голубого.

Один в полях моих иду.

Земля и я, и нет иного.

«Лежу в траве на берегу...»

Лежу в траве на берегу
Ночной реки и слышу плески.
Пройдя поля и перелески,
Лежу в траве на берегу.

На отуманенном лугу

Зелёные мерцают блески.

Лежу в траве на берегу

Ночной реки и слышу плески.

«Печальный аромат болот...»

Печальный аромат болот
Пророчит радости иные,
Быть может, злые и больные.
Печальный аромат болот
Отраду травную прольёт
В сердца усталые и злые.
Печальный аромат болот
Пророчит радости иные.

«Пройду над влагами болот...»

Пройду над влагами болот,
Дыша их пряным ароматом.
На скользком помосте дощатом
Пройду над влагами болот,
И у затворенных ворот
С моим забытым встречусь братом.
Пройду над влагами болот,
Дыша их пряным ароматом.

«Какая радость – по дорогам...»

Какая радость – по дорогам
Стопами голыми идти
И сумку лёгкую нести!
Какая радость – по дорогам,
В смиреньи благостном и строгом,
Стихи певучие плести!
Какая радость – по дорогам
Стопами голыми идти!

«Тёплый ветер веет мне в лицо...»

Тёплый ветер веет мне в лицо,

☐☐Солнце низко, вечер близко,

☐☐Томен день, как одалиска.

Ветер тёплый веет мне в лицо.

Жизни странной плоское кольцо

☐☐Скоро сплущу в форме диска.

Тёплый ветер веет мне в лицо,

☐☐Солнце низко, вечер близко.

«К безвестным, дивным достижениям...»

К безвестным, дивным достижениям
Стремлюсь я в дали, юно-смел.
К планетам чуждым я доспел,
Стремясь к безвестным достижениям.
Сверканьем, страстью и стремленьем
Воспламеню я мой удел.
К безвестным, дивным достижениям
Стремлюсь я в дали, юно-смел.
«Что может быть лучше дороги лесной...»
Что может быть лучше дороги лесной
В полуденной, нежно-спасающей мгле!
Свой дух притаился здесь в каждом стволе.
Что может быть лучше дороги лесной,
Особенно в полдень румяной весной,
Когда ещё холод таится в земле!
Что может быть лучше дороги лесной
В спасающей, милой, полуденной мгле!
Города
«Безумно злое упоенье...»
Безумно злое упоенье
Вокзальных тусклых, пыльных зал, –
Кто дал тебе его, вокзал,
Всё это злое упоенье?
Кто в это дикое стремленье
Звонки гремучие вонзал?
Безумно злое упоенье
Вокзальных тусклых, пыльных зал.
«По узким улицам гремит...»
По узким улицам гремит
Разбито-гулкая коляска.
Какая трепетная ласка
По узким улицам гремит!
Куда летит, куда спешит
В пыли влекущаяся сказка?
По узким улицам гремит
Разбито-гулкая коляска.
«Люблю большие города...»
Люблю большие города
С неумолкающим их гулом
И с их пленительным разгулом.
Люблю большие города,
И пусть таится в них беда
С холодным револьверным дулом, –
Люблю большие города
С неумолкающим их гулом.
«Разнообразность городов...»
Разнообразность городов
Не достигает до предела.
У всех людей такое ж тело.
Разнообразность городов
Всё ж не творит людей-орлов,
И всё ж мечты не захотела.
Разнообразность городов
Не достигает до предела.
«Во внутреннем дворе отеля...»
Во внутреннем дворе отеля
Фонтан мечтательный журчал.
Печальный юноша мечтал
На внутреннем дворе отеля.
Амур с фонтана, метко целя,
Ему стрелю угрожал.
Во внутреннем дворе отеля
Фонтан мечтательный журчал.
«По копейке четыре горшочка...»
По копейке четыре горшочка
Я купил и в отель их несусь,
Чтобы хрупкую спрятать красу.
По копейке четыре горшочка,

Знак идиллий, в которых овечка
Вместе с травкою щиплет росу.
По копейке четыре горшочка
Я купил и в отель их несусь.
«По ступеням древней башни поднимаюсь выше, выше...»
По ступеням древней башни поднимаюсь выше, выше,
Задыхаюсь на круженьи сзади ветхих амбразур,
Слышу шелест лёгких юбок торопливых, милых дур,
По источенным ступеням узкой щелью, выше, выше,
Лишь за тем, чтоб на минуту стать на доски новой крыши,
Где над рыцарскою залой обвалился абажур, –
Вот зачем я, задыхаясь, поднимаюсь выше, выше,
Выше кровель, выше храмов, выше мёртвых амбразур.
«Либава, Либава, товарная душа!..»
Либава, Либава, товарная душа!
Воздвигла ты стены пленительных вилл,
Но дух твой, Либава, товар задавил.
Либава, Либава, товарная душа!
Живёшь ты тревожно, разбогатеть спеша,
Но кислый дух скуки гнездо в тебе свил,
Либава, Либава, товарная душа!
Зачем тебе стены пленительных вилл?
«Каменные домики, в три окошка каждый...»
Каменные домики, в три окошка каждый,
Вы спокойно-радостны, что вам пожелать!
Ваших тихих пленников некуда послать.
В этих милых домиках, в три окошка каждый,
Разве есть томление с неизбывной жаждой?
Всё, что было пламенем, в вас теперь зола.
Тихи, тихи домики, в три окошка каждый,
Вам, спокойно-радостным, нечего желать.
«Эта странная труппа актёров и актрис...»
Эта странная труппа актёров и актрис
Ставит зачем-то пьесы одна другой хуже.
Смотреть на них досадно и жалко их вчуже.
Взяли бы лучше в горничные этих актрис.
Ведь из клюквы никто не сделает барбарис,
И крокодилов никто не разведёт в луже.
В этом городе дела актёров и актрис,
Хоть из кожи лезь, пойдут всё хуже и хуже.
«Отбросив на веки зелёные пятна от очков...»
Отбросив на веки зелёные пятна от очков,
Проходит горбатый, богатый, почтенный господин.
Калоши «Проводник» прилипают к скользкой глади льдин,
И горбатый господин не разобьёт своих очков,
И не потешит паденьем шаловливых дурачков,
Из которых за ним уже давно бегают один,
Залюбовавшись на зелёные пятна от очков,
Которыми очень гордится горбатый господин.
«Яркий факел погребальный...»
Яркий факел погребальный
Не задует снежный ветер.
Хорошо огню на свете,
Пусть он даже погребальный,
Пусть его напев рыдальный
На дороге вьюжной встретит.
Яркий факел погребальный
Не задует снежный ветер.
Земные небеса
«В небо ясное гляжу...»
В небо ясное гляжу,
И душа моя взволнована,
Дивной тайной зачарована.
В небо ясное гляжу, –
Сам ли звёзды вывожу,
Божья ль тайна в них закована?
В небо ясное гляжу,
И душа моя взволнована.

«Тонкий край свой месяц долу кажет...»

Тонкий край свой месяц долу кажет,
Серебристо-алый на востоке.

Неба сини всё ещё глубоки,
Но уж край свой месяц долу кажет,
И заря уж розы в полог вяжет,
Чтоб напомнить о суровом сроке.

Тонкий край свой месяц долу кажет,
Серебристо-алый на востоке.

«Душой росы, не выпитой пространством...»

Душой росы, не выпитой пространством,
Дышал зелёный луг, улыбчив небесам.
Душа моя во тьме влеклася по лесам,
Упоена в безмерности пространством
И в изменяемости постоянством,
И я был весь, и снова был я в мире сам,
Когда душой, не выпитой пространством,
Зелёный луг дышал, улыбчив небесам.

«Купол церкви, крест и небо...»

Купол церкви, крест и небо,
И вокруг печаль полей, –
Что спокойней и светлей
Этой ясной жизни неба?

И скажи мне, друг мой, где бы
Возносилися святей

К благодатным тайнам неба
Сказка лёгкая полей!

«По небесам идущий Бог...»

По небесам идущий Бог
Опять показывает раны
Своих пронзённых рук и ног.

По небесам идущий Бог
Опять в надземные туманы
Колени дивных ног облёк.

По небесам идущий Бог
Опять показывает раны.

Отрава

«Какое горькое питьё!..»

Какое горькое питьё!
Какая терпкая отрава!
Любовь обманчива, как слава.

Какое горькое питьё!
Всё, всё томление моё
Ничтожно, тщетно и неправо.

Какое горькое питьё!

Какая терпкая отрава!

«Отдыхая в тёплой ванне...»

Отдыхая в тёплой ванне,
Кровь мою с водой смешать,
Вены на руках открыть,
И забыться в тёплой ванне, –
Что же может быть желанней?

И о чём ещё молить?

Отдыхая в тёплой ванне,
Кровь мою с водой смешать.

«Какая смена настроений!..»

Какая смена настроений!
Какая дьявольская смесь!
Пылаю там и стыну здесь.

Какая смена настроений,
Успокоений и волнений!
Весь кубок пёстрой жизни, весь!

Какая смена настроений!

Какая дьявольская смесь!

«Надо жить с людьми чужими...»

Надо жить с людьми чужими.

Только сам себе я свой,

И доколе я живой,

Надо жить с людьми чужими,
Ах, не всё ль равно с какими!
Уж таков мой рок земной, –
Надо жить с людьми чужими.
Только сам себе я свой.
«Лукавый хохот гнусных баб...»
Лукавый хохот гнусных баб
Меня зарёю ранней встретил.
Смеются: «Что же ты не светел?»
Лукавый хохот гнусных баб
Напомнил мне, что, снова раб,
я непомерный путь наметил.
Лукавый хохот гнусных баб
Меня зарёю ранней встретил.
«Сплетеньем роз венчайте милых жён...»
Сплетеньем роз венчайте милых жён,
Но дев терзайте чаще и сильнее,
Чтоб девы были строже и сильнее.
Сплетеньем роз венчайте милых жён, –
Трудами их союз наш освящён,
А девы волн лукавей и вольнее.
Сплетеньем роз венчайте милых жён,
А дев терзайте чаще и сильнее.
«Себе я покупаю смерть...»
Себе я покупаю смерть,
Как покупают апельсины.
Вон там, во глубине долины,
Моя уже таится смерть.
Желта, худа она, как жердь,
И вся из малярной глины, –
Покорно выбираю смерть,
Как выбирают апельсины.
«Ты пришла ко мне с набором...»
Ты пришла ко мне с набором
Утомлённо-сонных трав.
Сок их сладок и лукав.
Ты пришла ко мне с набором
Трав, с нащёптом, с наговором,
С хитрой прелестью отрав.
Ты пришла ко мне с набором
Утомлённо-сонных трав.
«О, безмерная усталость!..»
О, безмерная усталость!
Пой на камнях, на дороге
О любви, о светлом Боге,
И зови, моя усталость,
На людей Господню жалость.
В несмолкающей тревоге
Пой, безмерная усталость,
И влекися по дороге.
«Ниву спелую волнуешь...»
Ниву спелую волнуешь,
Сердце тёмное тревожишь,
Но умчать с собой не можешь.
Ты недвижимое волнуешь,
Ты стремленье знаменуешь,
Но томленья только множишь.
Неподвижное волнуешь,
Утомлённое тревожишь.
«Аллею уродливых берёз...»
Аллею уродливых берёз
Мы шли вблизи сурового забора,
Не заводя медлительного спора.
Аллею уродливых берёз
Вдоль колеи, где влётся грузный воз,
Боясь чего-то, шли мы слишком скоро.
Аллею уродливых берёз
Был скучен путь вдоль тёмного забора.

«В иных веках, в иной отчизне...»
В иных веках, в иной отчизне,
О, если б столько людям я
Дал чародейного питья!
В иных веках, в иной отчизне
Моей трудолюбивой жизни
Дивился б строгий судия.
В иных веках, в иной отчизне
Как нежно славим был бы я!
«Мои томительные дни...»
Мои томительные дни
Омрачены жестокой бранью,
Моих сограждан щедрой данью.
Мои томительные дни –
В ночи медлительной огни
От ожиданий к увяданью.
Мои томительные дни
Россия омрачила бранью.
«Солнце, которому больно!..»
«Солнце, которому больно!
Что за нелепая ложь!
Где ты на небе найдёшь
Солнце, которому больно?» –
«Солнце, смеяться довольно!
Если во мне ты поёшь,
Разве ж поёшь ты безбольно?
Разве же боль эта – ложь?»
«Ты сжёг мою умильную красу...»
Ты сжёг мою умильную красу,
Жестокий лик пылающего бога,
Но у меня цветов и красок много,
И новую, багряную красу
Я над листвою поблеклой вознесу,
Чтоб не тужила гулкая дорога,
И пусть мою умильную красу
Сожгло пыланье яростного бога.
«Ночь настала рано...»
Ночь настала рано.
Рано, рано спать, –
Но кого ж распять,
Чтоб наставший рано
Мрак живая рана
Стала колебать?
Ночь настала рано.
Рано, рано спать.
Утешения
«Безгрешно всё, и всё смешно...»
Безгрешно всё, и всё смешно,
И только я безумно грешен.
Мой тёмный жребий роком взвешен.
Безгрешно всё и всё смешно.
Вам, люди, всё разрешено,
И каждый праведно утешен.
Засмейтесь люди, – всё смешно,
И даже я невинно грешен.
«Я верю, верю, верю, верю...»
Я верю, верю, верю, верю
В себя, в тебя, в мою звезду.
От жизни ничего не жду,
Но всё же верю, верю, верю,
Всё в жизни верю измерю
И смело в тёмный путь иду.
Я верю, верю, верю, верю
В себя, в тебя, в мою звезду.
«Увидишь мир многообразный...»
Увидишь мир многообразный
И многоцветный, – и умри.
В огнях и в зареве зари

Приветствуй мир многообразный,
Пройди чрез все его соблазны,
На всех кострах его гори,
Отвергни мир многообразный
И многоцветный, – и умри.
«Что же ты знаешь об этом...»
Что же ты знаешь об этом,
Бедное сердце моё?
К смерти ли это питьё, –
Что же ты знаешь об этом?
Верь невозможным обетам.
Чьё же хотение, чьё?
Что же мы знаем об этом,
Бедное сердце моё?
«Где-то есть тропа мечтательная...»
Где-то есть тропа мечтательная.
Правда в ней, а в жизни ложь.
Только этим и живёшь,
Что светла тропа мечтательная.
Только где же указательная
К ней рука? – не разберёшь.
Где-то есть тропа мечтательная,
Как найти её сквозь ложь?
«Ты гори, моя свеча...»
Ты гори, моя свеча,
Вся сгорай ты без остатка, –
Я тебя гасить не стану.
Ты гори, моя свеча, –
Свет твой мил мне или нет,
Пусть кому-нибудь он светит.
Догорай, моя свеча,
Вся сгорай ты без остатка.
«Благослови свиные хари...»
Благослови свиные хари,
Шипенье змей, укусы блох, –
Добру и Злу создатель – Бог.
Благослови все эти хари,
Прости уродство всякой твари
И не тужи, что сам ты плох.
Пусть тебя обстанут хари
В шипеньи змей, в укусах блох.
«Если ты чего-нибудь захочешь...»
Если ты чего-нибудь захочешь,
То с душой, желанья полной, тело
Вместе брось в задуманное дело.
Если ты чего-нибудь захочешь,
То не жди, когда свой нож наточишь,
И не жди, чтобы пора приспела.
Нет, уж если ты чего захочешь,
То с душою на кон брось и тело.
«Безумно-осмеянной жизни...»
Безумно-осмеянной жизни
Свивается ль, рвётся ли нить, –
Что можешь, что смеешь хранить
В безумно-растоптанной жизни!
Лишь власти не дай укоризне
Страдающий лик отемнить,
Свивается ль, рвётся ли нить
Безумно-осмеянной жизни.
«Все мы, отвергнутые раем...»
Все мы, отвергнутые раем
Или отвергнувшие рай,
Переживаем хмельный май
В согласии с забытым раем
Всё то, чего уже не знаем,
Мы вспоминаем невзначай,
Мы все, отвергнутые раем
Или отвергнувшие рай.

«Моей свинцовой нищеты...»

Моей свинцовой нищеты
Не устыжуся я нимало,
Хотя бы глупым называла
За неотвязность нищеты
Меня гораздо чаще ты.
Пускай судьба меня сковала,
Моей свинцовой нищеты
Не устыжуся я нимало.

«Сверкайте, миги строгих дней!..»

Сверкайте, миги строгих дней!
Склонился я в железном иге.
Да будут вместо жизни книги
Наградю железных дней.
Пусть режут тело мне больней
Мои железные вериги.

Сверкайте, миги стройных дней
Покорен я в железном иге.

«Моя душа тверда, как сталь...»

Моя душа тверда, как сталь.
Она блестит, звенит и режет.
Моих вериг железный скрежет
Ничто перед тобою, сталь.
Так пой же, пой, моя печаль,
Как жизнь меня тоскою нежит.
Моя душа тверда, как сталь.
Она звенит, блестит и режет.

«Звенела кованная медь...»

Звенела кованная медь,
Мой щит, холодное презренье,
И на щите девиз: «Терпенье».
Звенела кованная медь,
И зазвенит она и впредь
В ответ на всякое гоненье.

Звени же, кованная медь,
Мой щит, холодное презренье.

«Моя далёкая, но сердцу близкая...»

Моя далёкая, но сердцу близкая,
Разлуку краткую прими легко, легко.
Всё то, что тягостно, мелькает коротко,
Поверь мне, милая, столь сердцу близкая.
Научен опытом, по свету рыская,
Я знаю, – горькое от сердца далеко.
Моя далёкая, но сердцу близкая,
Разлуку краткую прими легко, легко.

Любовь земная

«Прижаться к милому плечу...»

Прижаться к милому плечу
И замереть в истоме сладкой.
Поцеловать его украдкой,
Прижавшись к милому плечу.

Шепнуть лукавое: «Хочу!»

И что ж останется загадкой?

Прижаться к милому плечу
И замереть в истоме сладкой.

«Я к ногам любимой брошу...»

я к ногам любимой брошу
Все державы и венцы,
Отворю ей все дворцы.
я к ногам любимой брошу
Соблазнительную ношу, –
Всё, что могут дать творцы
я к ногам любимой брошу
Все державы и венцы.

«Только будь всегда простою...»

Только будь всегда простою,
Как слова моих стихов.
я тебя любить готов,

Только будь всегда простою,
Будь обрызгана росой,
Как сплетеньем жемчугов,
Будь же, будь всегда простою,
Как слова моих стихов!
«В моём бессилии люби меня...»
В моём бессилии люби меня.
Один нам путь и жизнь одна и та же.
Моё безумство манны райской слаже.
Отвергнут я, но ты люби меня.
Мой рдяный путь в метании огня,
Архангелом зажжённого на страже.
В моём горении люби меня, –
Нам путь один, нам жизнь одна и та же.
«Ты только для меня. Таинственно отмечен...»
Ты только для меня. Таинственно отмечен
Блистающий наш путь, и яростный наш удел.
Кто скажет, что венец поэта потускнел?
В веках тебе удел торжественный намечен, –
Здесь верный наш союз несокрушимо вечен.
Он выше суетных, земных, всегдашних дел.
Ты только для меня. Торжественно намечен
В веках наш яркий путь, и светел наш удел.
«Сила песни звонкой сотрясает тело птички...»
Сила песни звонкой сотрясает тело птички
Всё, от шейки вздутой и до кончика хвоста.
В выраженьи страсти птичка радостно проста.
Сила звонкой песни сотрясает тело птички,
Потому что песня – чарованье переклички,
В трепетаньи звуков воплощённая мечта.
Сила нежной страсти сотрясает тело птички
Всё, от вздутой шеи и до кончика хвоста.
«Птичка – только канарейка, домик – только клетка...»
Птичка – только канарейка, домик – только клетка,
Но учиться людям надо так любить и петь,
В трепетаньи вольной песни так всегда гореть.
Птичка – крошка канарейка, бедный домик – клетка,
Роковой предел стремлений – только чья-то сетка,
Но любви, любви безмерной что капкан и сеть!
Божья птичка – канарейка, птичий домик – клетка,
Здесь учиться людям надо, как любить и петь.
«Рая не знаем, сгорая...»
Рая не знаем, сгорая.
Радость – не наша игра.
Радужны дол и гора,
Рая ж не знаем, сгорая.
Раяли птицы, играя, –
Разве не птичья пора!
Рая не знаем, сгорая.
Радость – не наша игра.
Дни
«День только к вечеру хорош...»
День только к вечеру хорош,
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.
Закону мудрому поверьте, –
День только к вечеру хорош.
С утра уныние и ложь
И копошащиеся черти.
День только к вечеру хорош,
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.
«Просыпаться утром рано...»
Просыпаться утром рано,
Слушать пенье петуха,
Позабывать, что жизнь лиха.
Пробудившись утром рано,
В час холодного тумана,
День промедлить без греха
И опять проснуться рано

Под оранье петуха.
«День золотистой пылью...»
День золотистой пылью
Глаза туманит мне.
Мир зыблется во сне,
Явь заслоняя пылью,
И к сладкому бессилью
Клонясь, и к тишине.
День золотистой пылью
Глаза отводит мне.
«Не надо долгого веселья...»
Не надо долгого веселья,
Лишь забавляющего лень.
Пусть размышлений строгих тень
Перемежает нам веселья.
Тревожный праздник новоселья
Пусть нам дарует каждый день.
Отвергнем долгие веселья,
Лишь забавляющие лень.
«С вами я, и это – праздник, потому что я – поэт...»
С вами я, и это – праздник, потому что я – поэт.
Жизнь поэта – людям праздник, несказанно-сладкий дар.
Смерть поэта – людям горе, разрушительный пожар.
Что же нет цветов привета, если к вам идёт поэт?
Разве в песнях вам не виден разлитой пред вами свет?
Или ваша дань поэту – только скучный гонорар?
Перед вами открывает душу верную поэт.
В песнях, в былях и в легендах – несказанно-сладкий дар.
«Вот так придёшь и станешь на камнях над рекою...»
Вот так придёшь и станешь на камнях над рекою,
Глядишь как удит рыбу эстонское дитя,
Как воды льются, льются, журча и шелестя.
Пласты лиловой глины нависли над рекою,
А сердце, – сердце снова упоено тоскою,
И бьётся в берег жизни, тоской своей шутя.
Стоишь, стоишь безмолвно над быстрою рекою,
Где тихо струи плещет эстонское дитя.
«Откачнись, тоска моя, чудовище...»
Откачнись, тоска моя, чудовище,
Не вались опять ко мне на грудь,
Хоть недолго вдалеке побудь.
Что ты хочешь, тяжкое чудовище?
Отдал я тебе моё сокровище,
Коротая дни я как-нибудь.
Откачнись, косматое чудовище,
Не вались опять ко мне на грудь.
«Дошутился, доигрался, докатился до сугроба...»
Дошутился, доигрался, докатился до сугроба,
Так в сугробе успокойся и уж больше не шути.
Из сугроба в мир широкий все заказаны пути.
Доигрался, дошутился, докатился до сугроба,
Так ни слава, и ни зависть, и ни ревность, и ни злоба
Не помогут из сугроба в мир широкий уползти.
Дошутился, доигрался, докатился до сугроба,
Так в сугробе ляг спокойно и уж больше не шути.
«У меня сто тысяч теней...»
У меня сто тысяч теней.
С ними дни я коротал
И менять их не устал.
Вереницу лёгких теней
Я гирляндами цветений
Всё по-новому сплетал.
У меня сто тысяч теней,
С ними дни я коротал.
«Пройдут все эти дни, вся жизнь совьётся наша...»
Пройдут все эти дни, вся жизнь совьётся наша,
Как мимолётный сон, как цепь мгновенных снов.
Останется едва немного вещей слов,

И только ими жизнь оправдана вся наша,
Отравами земли наполненная чаша,
Кой-как слеплённая из радужных кусков.
Истлеют наши дни, вся жизнь совьётся наша,
Как ладан из кадил, как дым недолгих снов.

Земные просторы

«Прекрасный Днепр, хохлацкая река...»

Прекрасный Днепр, хохлацкая река,

□□В себе ты взвесил много ила.

□□В тебе былая дремлет сила,

Широкий Днепр, хохлацкая река.

Быль прежних дней от яви далека,

□□Былая песнь звучит уныло.

Прекрасный Днепр, хохлацкая река,

□□Несёшь ты слишком много ила.

«Зелёная вода гнилого моря...»

□□Зелёная вода гнилого моря,

Как отразится в ней высокая звезда?

Такая тусклая и дряхлая вода,

□□Зелёная вода гнилого моря,

С мечтою красоты всегда упрямо споря,

Она не вспыхнет блеском жизни никогда.

□□Зелёная вода гнилого моря,

Как отразится в ней высокая звезда?

«В полдень мертвенно-зелёный...»

В полдень мертвенно-зелёный

Цвет воды без глубины,

Как же ты в лучах луны

Светишь, мертвенно-зелёный?

Кто придёт к тебе, влюблённый,

В час лукавой тишины,

О безумный, о зелёный

Цвет воды без глубины?

«Лиловый очерк снежных гор...»

Лиловый очерк снежных гор

В тумане тонет на закате.

Душа тоскует об утрате.

Лиловый очерк снежных гор

Замкнул пленительный простор

Стеной в мечтательной палате.

Лиловый очерк снежных гор

В тумане тонет на закате.

«Ещё арба влечётся здесь волами...»

Ещё арба влечётся здесь волами,

Ещё в пыли и в лужах долгий путь,

Ещё окрест томительная жуть,

А в небе над арбами и волами,

И над папахами, и над ослами

Спешит Икар надкрылья развернуть,

И пусть арба, влекомая волами,

Проходит медленный и трудный путь.

«Веет ветер мне навстречу...»

Веет ветер мне навстречу,

Вещий, вечный чародей.

Он быстрее лошадей

Веет, светлый, мне навстречу.

Что ж ему противоречу

Тусклой жизнью площадей?

Веет ветер мне навстречу,

Вековечный чародей.

«На него ещё можно смотреть...»

На него ещё можно смотреть,

На дорогу не бросило теней.

Поднялось чуть повыше растений,

И даёт на себя посмотреть,

Как неяркая жёлтая медь.

В облаках, в кудесах раздвоений

На него ещё можно смотреть,

От себя не отбросивши теней.

«Ну что ж, вздымай свою вершину...»

Ну что ж, вздымай свою вершину,
Гордись пред нами, камень гор, –
я твой читаю приговор:

Дожди, омывшие вершину,
Творят на ней песок и глину,
Потом смывают их, как сор.
Так воздвигай свою вершину,
Гордись, невечный камень гор.

«Огонёк в лесной избушке...»

Огонёк в лесной избушке
За деревьями мелькнул.
Задымился росный луг.

Огонёк поник в тумане.

Огорожённая мглою,
За холмом стоит луна.

Огонёк в лесной избушке

За туманами потух.

«Долина пьёт полночный холод...»

Долина пьёт полночный холод,
То с каплей мёда райских сот,
То с горькой пустотой высот,
Долина пьёт полночный холод.

Долга печаль, и скучен голод
Тоски обиденных красот.

Долина пьёт полночный холод

Тоской синеющих высот.

«Земли смарагдовые блюда...»

Земли смарагдовые блюда

и неба голубые чаши,

Раскройте обаянья ваши.

Земли смарагдовые блюда,

Творите вновь за чудом чудо,

являйте мир светлей и краше, –

Земли смарагдовые блюда

и неба голубые чаши.

«Лежали груды мха на берегу морском...»

Лежали груды мха на берегу морском,

Обрезки рыжих кос напоминая цветом.

Белели гребни волн, и радостным приветом

Гудел их шумный хор в веселии морском.

Легко рассыпанным береговым песком

Ещё мы раз прошли, обрадованны светом,

Вдыхая соль волны в дыхании морском,

Любуясь этих мхов забавно рыжим цветом.

«Увидеть города и веси...»

Увидеть города и веси,

Полей простор и неба блеск,

Услышать волн могучий плеск,

Заметить, как несходны веси,

Как разны тени в каждом лесе,

Как непохожи конь и мекс, –

Какая радость – эти веси,

Весь этот говор, шум и блеск!

«Снег на увядшей траве...»

Снег на увядшей траве

Ярко сверкающей тканью

Пел похвалы мирозданью,

Белый на рыжей траве.

Стих за стихом в голове,

Не покоряясь сознанью,

Встали, – на мёртвой траве

Ярко живущую тканью.

«Дачный домик заколочен...»

Дачный домик заколочен,

Тропки снегом поросли

Всё отчетливо вдали.

Жаль, что домик заколочен, –
Лёд на тихой речке прочен,
Покататься бы могли,
Да уж домик заколочен,
Тропки снегом поросли.
«Ржавый дым мешает видеть...»
Ржавый дым мешает видеть
Поле, белое от снега,
Чёрный лес и серость неба.
Ржавый дым мешает видеть,
Что там, радость или гибель,
Пламя счастья или гнева.
Ржавый дым мешает видеть
Небо, лес и свежесть снега.
Прносящиеся
«Всё зеленее и светлее...»
Всё зеленее и светлее,
Всё ближе счастье и тепло.
К чему же ненависть и зло!
Всё зеленее и светлее,
И откровенней, и нежнее
Через вагонное стекло.
Всё зеленее и светлее,
Всё ближе счастье и тепло.
«Всё чаще девушки босые...»
Всё чаще девушки босые
Возносят простодушный смех,
Отвергнув обувь, душный грех.
Всё чаще девушки босые
Идут, Альдонсы полевые,
Уроки милые для всех.
Всё чаще девушки босые
Возносят простодушный смех.
«Не увлекайтесь созерцаньем...»
Не увлекайтесь созерцаньем
Луж голубых и белых хат,
Что мимо вас назад скользят.
Не увлекайтесь созерцаньем
И не любуйтесь мельканьем
Кустов, колодцев и ребят.
Не увлекайтесь созерцаньем
Луж голубых и белых хат.
«Займитесь чтением в вагоне...»
Займитесь чтением в вагоне,
Чтоб не дразнил вас внешний блеск,
Чтоб не манили гул и плеск.
Займитесь чтением в вагоне
Иль куйте в дремном перезвоне
За арабеском арабеск.
Займитесь чтением в вагоне,
Чтоб не дразнил вас внешний блеск.
«Дивлюсь всему тому, что вижу...»
Дивлюсь всему тому, что вижу,
Уродство ль это, красота ль.
За данью раскрываю даль,
Дивлюсь всему тому, что вижу,
И землю вокруг себя я движу,
Как движу радость и печаль.
Дивлюсь всему тому, что вижу,
Уродство ль это, красота ль.
«Вон там, за этою грядюю...»
Вон там, за этою грядюю,
Должно быть, очень мило жить,
Венки свивать и ворожить.
За невысокою грядюю,
Над тихо движимой водою,
И очи бы навек смежить,
Вон там, за этою грядюю,

Должно быть, очень мило жить.

«Как же огня не любить!..»

□□Как же огня не любить!

□□Радостно вьётся и страстно.

Было уродливо, стало прекрасно.

□□Как же огня не любить!

Раз только душу с пыланием слить, –

□□Жизнь прожита не напрасно.

□□Как же огня не любить!

Радостно, нежно и страстно!

Вечера

«Томилось небо так светло...»

Томилось небо так светло,

Легко, легко, легко темнея.

Звезда зажглась, дрожа и мрея.

Томилось небо так светло,

Звезда мерцала так тепло,

Как над улыбкой вод лилея.

Томилось небо так светло,

Легко, легко, легко темнея.

«Иду по улицам чужим...»

Иду по улицам чужим,

Любуясь небом слишком синим,

И к вечеряющим пустыням

По этим улицам чужим

Я душу возношу, как дым, –

Но стынет дым, и все мы стынем.

Иду по улицам чужим,

Любуясь небом слишком синим.

«Вот ухожу я от небес...»

Вот ухожу я от небес,

Как бы спасаясь от погони,

В лавчонку, где спрошу мацони.

Так ухожу я от небес

Под светлый каменный навес,

Скрываясь в рукотворном лоне.

Да, ухожу я от небес,

Как бы спасаясь от погони.

«Вечерний мир тебя не успокоил...»

Вечерний мир тебя не успокоил,

Расчётливо-мятущаяся весь,

Людских истом волнуемая смесь.

Вечерний мир тебя не успокоил,

Он только шумы толп твоих утроил

И раздражил ликующую спесь.

Вечерний мир тебя не успокоил,

Расчётливо-мятущаяся весь.

«Итальянец в красном жилете...»

Итальянец в красном жилете

Для нас «Sole mio» пропел.

За окном закат пламенел,

Когда певец в красном жилете

Пел нам в уютном кабинете,

И жилетом своим алел.

Ах, как сладко в красном жилете

Певец «Sole mio» нам пел!

«Тихий свет отбросив вверх, на потолок...»

Тихий свет отбросив вверх, на потолок,

Жёлтыми воронками зажглась люстра.

Разговор запаужен, но льётся быстро.

Лишь один мечтатель смотрит в потолок,

Бороды седой вперёд поставив клок.

В комнате духами пахнет слишком пёстро.

Жёлтый свет бросает вверх, на потолок,

На цепях раздвинутых повиснув, люстра.

«Матово-нагие плечи...»

Матово-нагие плечи

У девицы кремных лент

Пахнут, точно пепермент
На её нагие плечи
Сыплет ласковые речи
Удивительный студент.
Девственно-нагие плечи
Оттолкнули плены лент.
«Глядит высокая луна...»
Глядит высокая луна
На лёгкий бег автомобилей.
Как много пережитых былей
Видала бледная луна,
И всё ж по-прежнему ясна,
И торжеству людских усилий
Вновь не завидует луна,
Смеясь на бег автомобилей.
Личины
«Дрожат круги на потолке...»
Дрожат круги на потолке.
Писец нотариуса кисел.
Над вечной пляской слов и чисел
Дрожат круги на потолке.
О, еспи б от него зависел
Удеп кататься по реке!
Всё та же дрожь на потолке,
И поневоле бедный кисел.
«Над плёсом маленькой реки...»
Над плёсом маленькой реки
Стоит колдунья молодая,
Глядит, кого-то поджидая
На плоском берегу реки.
Глаза горят, как угольки,
И шепчет про себя, гадая
Над плёсом маленькой реки,
Колдунья знойно-молодая.
«Утонул я в горной речке...»
□□Утонул я в горной речке,
Захлебнулся мутною водой,
Захлестнулся жаркою рудой.
□□Утонул я в горной речке,
□□Над которою овечки
Резво щиплют вереск молодой.
□□Утонул я в горной речке,
Захлебнулся мутною водой.
«Молодой босой красавец...»
Молодой босой красавец
Песню утреннюю пел.
Солнце встретить он успел.
Молодой босой красавец,
Жизнелюбец, солнцеславец,
Смуглой радостью алел.
Молодой босой красавец
Песню утреннюю пел.
«Бесконечный мальчик, босоножка вечный...»
Бесконечный мальчик, босоножка вечный
Запада, востока, севера и юга!
И в края далёких я встречаю друга
Не в тебе ли, мальчик, босоножка вечный,
Радости сердечной, шалости беспечной,
Неустанных смехов солнечная выюга?
Бесконечный мальчик, босоножка вечный
Севера, востока, запада и юга!
«Прачка с длинною косою...»
Прачка с длинною косою,
Хочет быть царицей мира
И венчаться в блеске пира?
Прачка с длинною косою,
С бриллиантовой росю
Хороша ль тебе порфира?

Прачка с длинною косою,
Хочешь быть царицей мира?
«Провинциалочка восторженная...»
Провинциалочка восторженная,
Как ты, голубушка, мила!
Ты нежной розой расцвела
В немой глуши, душа восторженная,
И жизнь, такая замороженная,
Тебе несносно тяжела.
Провинциалочка восторженная,
Как ты, голубушка, мила!
«Плачьте, дочери земли!..»
Плачьте, дочери земли!
Плачьте горю Айседоры,
Отуманьте ваши взоры.
Плачьте, дочери земли, –
Счастья вы не сберегли
Той, кто нежно тешит взоры.
Плачьте горю Айседоры,
Плачьте, дочери земли!
«Вспомни слёзы Ниобеи...»
Вспомни слёзы Ниобеи, –
Что изведала она!
Айседоре суждена
Злая доля Ниобеи.
Налетели суховеи,
Жатва жизни сожжена.
Вспомни слёзы Ниобеи, –
Что изведала она!
«Поэт, привыкший к нищете...»
Поэт, привыкший к нищете,
Не расточитель и не скряга,
Он для себя не ищет блага,
Привыкший к горькой нищете,
Он верен сладостной мечте,
Везде чужой, всегда бродяга,
Поэт, привыкший к нищете,
Не расточитель и не скряга.
«Люди вежливы и кротки...»
Люди вежливы и кротки,
Но у всех рассудок туп,
В голове не мозг, а суп.
Да, и вежливы, и кротки,
Но найдите в околотке
Одного хоть, кто не глуп.
Что же в том, что люди кротки,
Если весь народ здесь туп!
«Спозаранку две служанки...»
Спозаранку две служанки
Шли цветочки собирать
И веночки завивать.
На полянку две служанки
Принесли четыре банки, –
Незабудок накопать.
Спозаранку две служанки
Ходят цветики собирать.
«Я ничего не знаю, какая радость есть...»
Я ничего не знаю, какая радость есть.
Я тихо умираю, одна среди людей.
Моя дорога к раю – по остриям гвоздей.
Я ничего не знаю, какая радость есть.
Я только ожидаю, придёт ли с неба весть,
Я только созерцаю небесных лебедей.
Я ничего не знаю, какая радость есть.
Я тихо умираю, одна среди людей.
«Цветными шелками по белому шёлку...»
Цветными шелками по белому шёлку я вышила милый и сложный узор
Карминных, шарлаховых, вишнево-алых, пунцовых, золотистых и палевых роз.

Собрание стихотворений. Том 4. Жемчужные светила. Очарования земли. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Что может быть краше, что слаще волнует в смарагдовой зелени брошенных роз!
По белому шёлку цветными шелками я вышила сложный и милый узор.
Пусть милый, далёкий, меня позабывший, хоть раз поглядел бы на этот узор.
О скорби моей и о слёзах пролитых ему рассказали б сплетения роз.
Цветными по белому шёлку шелками я вышила милый и хитрый узор
Пунцовых, шарлаховых, вишнево-алых, карминных, златистых и кремовых роз.
«Твоя душа – немножко проститутка...»
Твоя душа – немножко проститутка.
Её друзья – убийца и палач,
И сутенёр, погромщик и силач,
И сводня старая, и проститутка
Когда ты плачешь, это – только шутка,
Когда смеёшься, – смех твой словно плач,
Но ты невинная, как проститутка,
И дивно-роковая, как палач.
«Кто же кровь живую льёт?..»
Кто же кровь живую льёт?
Кто же кровь из тела точит?
Кто в крови лохмотья мочит.
Кто же кровь живую льёт?
Кто же кровь из тела пьёт
И, упившийся, хохочет?
Кто же кровь живую льёт?
Кто же кровь из тела точит?
Я и ты
«Ни человека, ни зверя...»
Ни человека, ни зверя
До горизонтной черты, –
Я, и со мною лишь ты.
Ни человека, ни зверя!
Вечно изменчивой веря,
Силой нетленной мечты
Буду губителем зверя
Я до последней черты.
«По неизведанным путям...»
По неизведанным путям
Ходить не ты ль меня учила?
Не ты ль мечты мои стремил
К ещё не пройденным путям?
Ты чародейный фимиам
Богам таящимся курила.
По неизведанным путям
Ходить меня ты научила.
«Я верен слову твоему...»
Я верен слову твоему,
И всё я тот же, как и прежде.
Я и в непраздничной одежде
Всё верен слову твоему.
Гляжу в безрадостную тьму
В неумирающей надежде
И верю слову твоему
И в этот день, как верил прежде.
«Святых имён твоих не знаю...»
Святых имён твоих не знаю,
Земные ж все названья – ложь,
Но ты пути ко мне найдёшь.
Хотя имён твоих не знаю,
Тебя с надеждой призываю,
И верю я, что ты придёшь.
Пусть я имён твоих не знаю, –
Не все ль слова не свете – ложь!
«Ночь, тишина и покой. Что же со мной? Кто же со мной?..»
Ночь, тишина и покой. Что же со мной? Кто же со мной?
Где ты, далёкий мой друг? Изредка бросишь мне бедный цветок,
И улыбаясь уйдёшь, нежно-застенчив иль нежно-жесток.
В дрёмной истоме ночной кто же со мной? Что же со мной?
Как мне мой сон разгадать, чудный и трудный, безумно-земной?
Как перебросить мне мост через поток на желанный восток?

Ночь, тишина и покой, вы безответны, но снова со мной,
А предо мной на столе брошенный другом увядший цветок.

«Ласкою утра светла...»

Ласкою утра светла,
Ты не умедлишь в пустыне,
Ты не уснёшь, не остынешь.

Ласкою утра светла,
Ладан росы собрала
Ты несказанной святыне.

Ласкою утра светла,
Ты не умедлишь в пустыне.

Цветы

«Ландыши, ландыши, бедные цветы!..»

Ландыши, ландыши, бедные цветы!

Благоухаете, связанные мне.

Душу сжигаете в радостном огне.

Ландыши, ландыши, милые цветы!

Благословенные, белые мечты!

Сказано светлое вами в тишине.

Ландыши, ландыши, сладкие цветы!

Благоухаете, связанные мне.

«Цвети, безумная агава...»

Цвети, безумная агава,

Цветеньем праздной свой конец.

Цветочный пышный твой венец

Вещает смерть тебе, агава.

Твоя любовь тебе отравя,

Твой сахар – жёсткий леденец.

Цвети, безумная агава,

Цветеньем праздной свой конец.

«Слова так странно не рифмуют...»

Слова так странно не рифмуют, –

Елена, роза, ландыш, ты.

Обыкновенной красоты

Слова хотят и не рифмуют,

Когда тревожат и волнуют

Слова привета и мечты.

Слова так странно не рифмуют, –

Елена, ландыш, роза, ты.

«Приветом роз наполнено купе...»

Приветом роз наполнено купе,

Где мы вдвоём, где розам две купели.

Так радостно, что розы уцелели

И в тесноте дорожного купе.

Так иногда в стремительной толпе

Есть голоса пленительной свирели.

Шептаньем роз упоено купе,

И мы вдвоём, и розам две купели.

«Обдувайся, одуванчик...»

Обдувайся, одуванчик,

Ты, фиалочка, фиоль,

Боль гони ты, гоноболь,

Развевайся, одуванчик,

Ландыш, дай росе стаканчик,

Мак, рассыпся, обезволь.

Разлетайся, одуванчик,

Ты, фиалочка, фиоль.

«Венок из роз и гиацинтов...»

Венок из роз и гиацинтов

Мне сплёл великодушный маг,

Чтоб светел был мой путь и благ.

В венок из роз и гиацинтов

Цветы болот и лабиринтов

Вплести пытался хитрый враг.

Венок из роз и гиацинтов

Оберегает мудрый маг.

«Незабудки вдоль канавки...»

Незабудки вдоль канавки

Возле дома лесника.
Загоревшая слегка,
К незабудкам у канавки
Уронила в зелень травки
Пальцы узкая рука, –
К незабудкам вдоль канавки
Перед хатой лесника.
«Перванш и сольферино...»
Перванш и сольферино
В одежде и в цветках,
В воде и в облаках.
Перванш и сольферино, –
Вершина и долина,
Всё в этих двух тонах.
Перванш и сольферино
В улыбках и цветках.
«Как на куртине узкой маки...»
Как на куртине узкой маки,
Заря пылает. Сад расцвёл
Дыханьем сладких матиол.
Прохлады росной жаждут маки,
А за оградой сада злаки
Мечтают о лобзаннях пчёл.
Заря пылает. Дремлют маки.
Сад матиолами расцвёл.
Мечта
«Я был в лесу и сеял маки...»
Я был в лесу и сеял маки
В ночном саду моей сестры.
Чьи очи вещи и остры?
Кто хочет видеть эти маки,
Путеводительные знаки
В ущелья дремные горы?
Я был в лесу, я сеял маки
В ночном саду моей сестры.
«Пурпуреа на закате расцвела...»
Пурпуреа на закате расцвела,
Цвет багряный и надменный, лишь на час,
В час, как Демон молвил небу ярый сказ.
Пурпуреа на закате расцвела,
Прижимаясь к тонкой пыли у стекла.
Яркий призрак, горний отблеск, ты для нас.
Нам ты в радость, пурпуреа, расцвела,
Будь нам в радость, пурпуреа, хоть на час.
«Лес и в наши дни, как прежде...»
Лес и в наши дни, как прежде,
Тайны вещи хранит.
Та же песня в глубине
Летом солнечным поётся.
Леший кружит и обходит
Там и нынче, как и встарь.
Лес не всё, что знает, скажет,
Тайну вещь храня.
«Та святая красота...»
Та святая красота
Нам являлась по равнинам,
Нам смеялась по долинам.
Та святая красота,
Тайнозвучная мечта,
Нам казала путь к вершинам.
Та святая красота
Нам являлась по равнинам.
«Я иду, печаль тая...»
Я иду, печаль тая.
Я пою, рассвет вещая.
Ясен в песнях облик мая.
Я иду, печаль тая.
Я устал, но светел я,

Яркий праздник призывая.

Я иду, печаль тая.

Я пою, рассвет вещая.

«О ясных днях мечты блаженно строя...»

О ясных днях мечты блаженно строя

И яркоцветность славя бытия,

И явь приму, мечты в неё лия.

О ясных днях мечтанья нежно строя,

О ясная! Мне пой о днях покоя,

И я приду к тебе, венок вия,

О ясных днях мечты блаженно строя

И яркоцветность славя бытия.

«Луна взошла, и дол вздохнул...»

Луна взошла, и дол вздохнул

Молитвой рос в шатре тяжёлом.

Моя любовь в краю весёлом.

Луна взошла, и дол вздохнул.

Лугам приснится грозный гул,

Морям – луна над тихим долом.

Луна взошла, и дол вздохнул

Молитвой рос в шатре тяжёлом.

Земная свобода

«Господь прославит небо, и небо – благодать Божью...»

Господь прославит небо, и небо – благодать Божью, но чем же ты живёшь?

Смотри, – леса и травы, и звери в тёмном лесе, все знают свой предел,

И кто в широком мире, как ты, как ты, ничтожный, бежит от Божьих стрел?

Господь ликует в небе, всё небо – Божья слава, но чем же ты живёшь?

Отвергнул ты источник, и к устью не стремишься, и всё, что скажешь – ложь.

Ты даже сам с собою в часы ночных раздумий бессилён и несмел.

Всё небо – Божья слава, весь мир – свидетель Бога, но чем же ты живёшь?

Учись у Божьих птичек, узнай свою свободу, стремленье и предел.

«В очарованьи здешних мест...»

В очарованьи здешних мест

Какой же день не встанет ясен?

И разве путь мой не прекрасен

В очарованьи здешних мест?

Преображаю всё окрест,

И знаю, – подвиг не напрасен.

В очарованьи здешних мест

Какой же день не будет ясен!

«Рождает сердце в песнях и радость и печаль...»

Рождает сердце в песнях и радость и печаль.

Земля, рождай мне больше весельем пьяных роз,

Чтоб чаши их обрызгать росой горьких слёз.

Рождает сердце в песнях и радость и печаль.

Я рад тому, что будет, и прошлого мне жаль,

Но встречу песней верной и грозы, и мороз.

Рождает сердце в песнях и радость и печаль.

Земля, рождай мне больше весельем пьяных роз!

«Я возвращаюсь к человеку...»

Я возвращаюсь к человеку,

К его надеждам и делам.

Душа не рвётся пополам, –

И весь вернусь я к человеку.

Как тот, кто бросил тело в реку

И душу отдаёт волнам,

Так возвращаюсь к человеку,

К его надеждам и делам.

«Но не затем к тебе вернуся...»

Но не затем к тебе вернуся,

Чтобы хвалить твой тусклый быт.

Я не над щелями корыт

К тебе, согодник мой, вернуся,

И не туда, где клювом гуся

Давно весь сор твой перерыл.

Я лишь затем к тебе вернуся,

Чтобы сжигать твой темный быт.

«Давно создать умел я перлы...»

Давно создать умел я перлы,
Сжигая тусклой жизни бред.
В обычности пустынных сред
Без счёта рассыпал я перлы,
Смарагды, яхонты и шерлы.
Пора настала, – снова пред
Собой рассыплю лалы, перлы
Сжигая тусклой жизни бред.

Нежити

«Неживая, нежилая, полевая, лесовая, нежить горькая и злая...»
Неживая, нежилая, полевая, лесовая, нежить горькая и злая,
Ты зачем ко мне пришла, и о чём твои слова?
Липнешь, стынешь, как смола, не жива и не мертва.
Нежилая, вся земная, низовая, луговая, что таишь ты, нежить злая,
Изнывая, не пылая, расточая чары мая, тёмной ночью жутко лая,
Рассыпаясь, как зола, в гнусных чарах волшебства?
Неживая, нежилая, путевая, пылевая, нежить тёмная и злая,
Ты зачем ко мне пришла, и о чём твои слова?

«Две лесные старушки и лесной старичок...»

Две лесные старушки и лесной старичок
Поболтать полюбили с проходящими там,
Где дорога без пыли залегла по лесам.
Две лесные старушки и лесной старичок
На холме у опушки развели огонёк,
И к костру пригласили легкомысленных дам.
Две лесные старушки и лесной старичок
Щекотать полюбили заблудившихся там.

«Защекочут до смеха, защекочут до дрожи...»

Защекочут до смеха, защекочут до дрожи,
Защекочут до корчи, защекочут до смерти.
Старичку и старушке вы не верьте, не верьте.
Бойтесь нежной щекотки и пленительной дрожи,
Закрестите с молитвой неумытые рожи, –
Это – злые, лесные, подколенные черти.
Защекочут до смеха, защекочут до дрожи,
Защекочут до корчи, защекочут до смерти.

«В пути, многократно измеренном...»

В пути, многократно измеренном
И пройденном множество раз,
Есть некий таинственный лаз.
В пути, многократно измеренном,
Пройдёшь под задуманным деревом
И видишь таящийся глаз.
В пути, многократно измеренном,
Встречаешь чужое не раз.

«Гулял под зонтиком прекрасный кавалер...»

Гулял под зонтиком прекрасный кавалер,
И чёрт ему предстал в злато-лиловом зное.
Подставил кресло чёрт складное, расписное.
На кресло чёрта сел прекрасный кавалер,
И чёрт его умчал в кольцо своих пещер,
Где пламя липкое и тление сквозное.
Так с зонтиком погиб прекрасный кавалер,
Гулявший по полям в злато-лиловом зное.

Поэты

«Стихия Александра Блока...»

Стихия Александра Блока –
Мягель, взвивающая снег.
Как жуток зыбкий санный бег
В стихии Александра Блока.
Несёмся, – близко иль далёко? –
Во власти цепенящих нег

Стихия Александра Блока –

Мягель, взвивающая снег.

«Розы Вячеслава Иванова...»

Розы Вячеслава Иванова –
Солнцем лобызаемые уста.
Алая радость святого куста –

Розы Вячеслава Иванова!
В них яркая кровь полдня рдяного,
Как смола благовонная, густа.
Розы Вячеслава Иванова –
Таинственно отверстые уста.
«Мерцает запах розы Жакмино...»
Мерцает запах розы Жакмино,
Который любит Михаил Кузмин.
Огнём углей приветен мой камин.
Благоухает роза Жакмино.
В углах уютных тихо и темно.
На россыпь роз ковра пролит кармин.
Как томен запах розы Жакмино,
Который любит Михаил Кузмин!
«Зальдивши тайный зной страстей, Валерий...»
Зальдивши тайный зной страстей, Валерий,
Ты назвал сам любимый свой цветок.
Он ал и страстен, нежен и жесток.
Во всём тебе подобен он, Валерий.
И каждый день одну из криптомерий
Небрежно ты роняешь на песок.
Сковавши тайный зной страстей, Валерий,
Ты назвал сам любимый свой цветок.
«Дарованный тебе, Георгий...»
Дарованный тебе, Георгий,
Ночной, таинственной тайгой,
Цветок, для прелести другой
Ты не забыл его, Георгий?
Но в холоде эфирных оргий
С тобой сопутник твой благой,
Цветок ночей, тебе, Георгий,
Во мгле взлелеянный тайгой.
Творчество
«Будетлянка другу расписала щёку...»
Будетлянка другу расписала щёку,
Два луча лиловых и карминный лист,
И сияет счастьем кубо-футурист.
Будетлянка другу расписала щёку
И, морковь на шляпу положивши сбоку,
Повела на улицу послушать свист,
И глядят, дивясь, прохожие на щёку –
Два луча лиловых и карминный лист.
«На щеке прекрасной будетлянки...»
На щеке прекрасной будетлянки
Ярки два лиловые пятна,
И на лбу зелёная луна,
А в руках прекрасной будетлянки
Три слегка раскрашенных поганки,
Цель бумажной стрелки шалуна.
На щеке прекрасной будетлянки
Рдеют два лиловые пятна.
«Позолотила ноготки...»
Позолотила ноготки
Своей подруге Маргарите.
Вы, проходящие, смотрите
На золотые ноготки.
И от завистливой тоски
В оцепенении замрите
Иль золотите ноготки,
Как будетлянка Маргарите.
«Пусть будет всё не так, как было...»
Пусть будет всё не так, как было,
Пусть будет всё, как я хочу.
Я дам по красному лучу
Всеми, что прежде белым было.
Всё яркоцветное мне мило,
Себе я веки золочу,
Чтоб было всё не так, как было,

чтоб было всё, как я хочу.
«Кто увидит искру? Виден только след...»
Кто увидит искру? Виден только след.
Как её напишешь? Начерти черту.
Пусть она разрежет лунную мечту,
Пусть горит кроваво, точно рана, след.
В этом зыбком мире острых точек нет.
Я из лент горящих ткань мою плету.
Я не вижу искры, вижу только след,
Огненную в чёрном, быстрюю черту.

II

Разные стихотворения 1913 года

«Малыш, отцу послушный...»

Малыш, отцу послушный,
Зелёный шар несёт, –
На нитке равнодушной
Порывный газолёт.
Шалун, махнувши ручкой,
Пускает красный шар,
Чтоб скрылся он за тучкой,
На тусклом небе яр.
А девочка на синий
Уставила глаза, –
Над пёстрою пустыней
Мечта и бирюза.

«И этот день такой же будничный...»
И этот день такой же будничный,
Такой же серый и безрадостный.
Засыпан мелкой пылью уличной
Короткий стебель травки радостной.
И только есть одно различие,
Что я бежал приюта малого
В снега, где бело безразличие
К трудам и радостям усталого.
Короткий срок мне сердце тешило
Небес безоблачных молчание.
Оно парчой снегов завешало
Мою печаль, моё молчание.
Прошли минуты слишком краткие,
Предстали снова будни серые,
Но сердце кроткое обрадую
Привычкой к вам, о будни серые.

«Лиловато-розовый закат...»

Лиловато-розовый закат
Нежно мглист и чист в окне вагона.
Что за радость нынче мне сулят
□□Стенки тонкие вагона?
Унесусь я близко ль, далеко ль
От того, что называю домом,
Но к душе опять всё та же боль
□□Приползёт путём знакомым.
В день, когда мне ровно пятьдесят
Лет судьба с насмешкой отсчитала,
На пленительный смотрю закат,
□□И всё то же в сердце жало.
То, о чём сказать не смею сам,
Потому что слово слишком больно,
Пусть заря расскажет небесам.
□□Ей не трудно и не больно.
«Не надо скорби, не надо злости...»
Не надо скорби, не надо злости.
Живи под солнцем, цветы утрами
В нерукотворном Господнем храме.
Счастливым путник не сломит трости,
Уже надломленной ветрами.
Пусть будет в жизни всё переменно,
Всё ненадёжно, как сон мгновенный, –
Счастливым путник в стране невинной

Поёт в дороге пустой и длинной
Беззаботно и вдохновенно.
Белеют ночью в полях туманы,
И к небу всходят, как облак горний,
И улетают в иные страны,
И вновь дымятся росой поляны.
Кто счастливей, и кто покорней?
Цветёт и вянет цветок умильный
На радость людям, на пользу пчёлам.
Медвяны росы в стране обильной.
Счастливый путник, в пути весёлом
Цветам и травам ты – свой, ты – сильный.
Росою травной омывши ноги,
Счастливый странник, слагай же песни
Про облак горний, про пыль дороги,
И про лачуги, и про чертоги.
Что слаще песни, и что чудесней?
Любовь, ты скажешь? Любовь земная,
Счастливый путник, тебе услада,
Как за оградой гроздь винограда,
Как в сенях сада плеск водопада,
Как после зноя тень лесная.
Но не печалься, когда покинет,
Когда устанет, когда остынет.
Счастливый путник, твой дом далеча,
Но путь твой верен, – тебя не минет
Твоя награда, святая встреча.
«Волна морская – весёлый шум...»
Волна морская – весёлый шум.
Ещё ль мне надо каких-то дум?
Опять ли буду умнее всех?
Ужель забуду, что думать – грех?
«Иду, цветы собираю...»
Иду, цветы собираю.
Зачем же их гублю?
Цветущими играю,
Которых так люблю.
Сорвал немного веток,
И бросил в поле. Нет,
Губить цветущих деток
Не должен ты, поэт.
Цветите в ясном поле,
Невинные цветы,
В моей и в Божьей воле
Возникшие мечты.
«Жизни, которой не надо...»
Жизни, которой не надо,
Но которая так хороша,
Детски-доверчиво рада
Каждая в мире душа.
Чем же оправдана радость?
Что же нам мудрость даёт?
Где непорочная сладость,
Достойная горних высот?
Смотрим в горящие бездны,
Что-то хотим разгадать,
Но усилья ума бесполезны, –
Нам ничего не узнать.
Съевший в науках собаку
Нам говорит свысока,
Что философии всякой
Ценнее слепая кишка,
Что благоденствие наше
И ума плодотворный полёт
Только одна простокваша
Нам несомненно даёт.
Разве же можно поверить
В эту слепую кишку?

Разве же можно измерить
Кишкою всю нашу тоску?
«Мудрец мучительный Шакеспear...»
Мудрец мучительный Шакеспear,
Ни одному не верил ты обману.
Макбету, Гамлету и Калибану.
Во мне зажѐг ты яростный пожар,
И я живу, как встарь король Леар.
Лукавых дочерей моих, Регану
И Гонерилью, наделять я стану,
Корделии отвергнув верный дар.
В моѐ, труду послушливое тело,
Толпу твоих героев я вовлѐк,
И обманусь, доверчивый Отелло,
И побледнею, мстительный Шейлок,
И буду ждать последнего удара,
Склонясь над вымыслом Шакеспearа.
«По дорожке солнечного сада...»
По дорожке солнечного сада
Вкруг лужайки медленно иду.
Вянут маки. Жѐлтая досада
Угнездилась в солнечном саду,
И пчела жужжать уже не рада,
И уж горечь есть в её меду,
И дрожат незримо капли яда,
Растворясь в лазоревом бреду.
Сердце ноет. Ах, счастливый жребий
Мне игра полночная дала!
И от зависти в безумном небе
Стала Венус мраморно-бела,
И, пролив таинственные слѐзы,
Сходит долу исполнять угрозы.
«Беден дом мой пасмурный...»
Беден дом мой пасмурный
Нажитым добром,
Не блестит алмазами,
Не звенит серебром,
Но зато в нём сладостно
Плакать о былом.
За моѐ убожество
Милый дар мне дан
Облекать все горести
В радужный туман
И целить напевами
Боль душевных ран.
Жизнь влача печальную,
Вовсе не тужу.
У окошка вечером
Тихо посижу,
Проходящим девушкам
Сказку расскажу.
Под окном поставил я
Длинную скамью.
Там присядут странницы, –
Песню им спою,
Золото звенящее
В души их пролью.
Только чаще серая
Провлечѐтся пыль,
И в окно раскрытое
На резной костыль
Тихо осыпается, –
Изжитая быль.
«Берѐзка над морем...»
Берѐзка над морем
На высокой скале
Улыбается зорям,
Потонувшим во мгле.

Широко, широко
Тишина, тишина.
Под скалою глубоко
Закипает волна.
О волны! О зори!
Тихо тающий сон
В вашем вечном просторе
Над скалой вознесён.
«Путь над морем вдруг обманет...»
Александрю Тамамшеву

Путь над морем вдруг обманет.
Он сползёт немного вниз,
И на выступ скал он станет, –
Зеленеющий карниз.
Только с краю, точно срезан,
Ряд уже непрочных плит
С диким скрежетом железа
На морской песок слетит.
Ты замрешь в неловком жесте,
Но за их паденьем вслед
Полетит с тобою вместе
Прыткий твой велосипед.
«Только забелели по утру окошки...»
Только забелели по утру окошки,
Мне метнулись в очи пакостные хари.
На конце тесёмки профиль дикой кошки,
Тупоносой, хищной и щекатой твари.
Хвост, копытца, рожки мреют на комодке.
Смутен зыбкий очерк молодого чёрта.
Нарядился бедный по последней моде,
И цветок алеет в сюртуке у борта.
Выхожу из спальни, – три коробки спичек
Прямо в нос мне тычет генерал сердитый,
И за ним мордашки розовых певичек.
Скоком вверх помчался генерал со свитой.
В сад иду поспешно, – машет мне дубинкой
За колючей ёлкой старичок лохматый.
Карлик, строя рожи, пробежал тропинкой,
Рыжий, красноносый, весь пропахший мятой.
Всё, чего не надо, что с дремучей ночи
Мне метнулось в очи, я гоню аминем.
Завизжали твари хором, что есть мочи:
«Так и быть, до ночи мы тебя покинем!»
«Две проститутки и два поэта...»
Две проститутки и два поэта,
Екатерина и Генриетта,
Иван Петрович Неразумовский
И Пётр Степаныч Полутаковский,
Две проститутки и два поэта
Сошлись однажды, – не странно ль это? –
У богомолки княжны Хохловой
В её уютной квартире новой.
Две проститутки и два поэта
Мечтали выпить бокал «Моэта»,
Но богомолка их поит чаем,
И ведь не скажут: «Ах, мы скучаем!»
Две проститутки и два поэта,
Как вам противна диета эта!
Но что же делать? Княжна вам рада,
В её гостиной скучать вам надо.
Две проститутки и два поэта,
Чего вы ждёте? Зачем вам это?
Зачем в гостиной у доброй княжны
Вы так приличны и тошно-важны?
Две проститутки и два поэта,
И тот и этот, и та и эта,
Вновь согрешите в стихах и в прозе,

И в ресторане, и на морозе.

«По силе поприще едино...»

По силе поприще едино

□□Пройди со мной

В пути, где яркая кручина

□□И тёмный зной.

Хотя одно пройди со мною,

□□А сможешь, – два.

Юдолью бедственной земною

□□Иду едва.

А может быть, с тобой прошли бы

□□До склона дней

Мы вместе жёсткие изгибы

□□Моих путей

Навстречу пламенному Змею

□□Рука с рукой?

Но разве я просить посмею

□□Любви такой!

Не я ли выбрал эту долю

□□И этот страх?

Не я ли девственную волю

□□Повергнул в прах?

Пройди ж со мною хоть немного,

□□Хоть малый круг,

И это я как милость Бога

□□Приму, мой друг.

«Еврей боится попасть в шеол, как христианин в ад...»

Еврей боится попасть в шеол, как христианин в ад.

Сказать по правде, а я порой шеолу был бы рад.

В докучной смуте, во тьме ночной, в мелькании наших дней

Напиток мерзкий и лжи, и зла, хоть и не хочешь, пей.

И разве горше или темней в безумных муках дна,

Чем в этих жутких, немых навек силках земного сна?

«Ты живёшь безумно и погано...»

Ты живёшь безумно и погано,

Улица, доступная для всех, –

Грохот пыльный, хохот хулигана,

Пьяной проститутки ржавый смех.

Копшатся мерзкие подружки, –

Злоба, грязь, порочность, нищета.

Как возникнуть может в этом круге

Вдохновенно–светлая мечта?

Но возникнет! Вечно возникает!

Жизнь народа творчества полна,

И над мутной пеной воздвигает

Красоту всемирную волна.

«Призрак моей гувернантки...»

Призрак моей гувернантки

Часто является мне.

Гнусные звуки шарманки

Слышу тогда в тишине.

Все уже в доме заснули,

Ночь под луною светла;

Я не пойму, наяву ли

Или во сне ты пришла.

Манишь ты бледной рукою

В сумрак подлунный, туда,

Где над холодной водою

Тусклая тина пруда.

Разве же я захотела,

Чтоб разлюбил он тебя?

В буйном неистовстве тела

Что же мы знаем, любя?

Помню, – захожий шарманщик

Ручку шарманки вертел.

Помню, – в беседке обманщик

Милый со мною сидел.

Мимо прошла ты, взглянула

С бледной улыбкою губ...

Помню смятение гула,
Помню твой жалостный труп.

Что же земные все реки?

Из-за предельной черты

В нашем союзе навеки

Третья останешься ты.

«Любви томительную сладость неуголимо я люблю...»

Любви томительную сладость неуголимо я люблю.

Благоухающую прелесть слов поцелуйных я люблю.

Лилею соловей прославит, – в прохладе влажной льётся трель.

А я прославлю тех, кто любит, кто любит так, как я люблю.

Об утолении печалей взыграла лёгкая свирель.

Легко, легко тому, кто любит, кто любит так, как я люблю.

Плясуньи на лугу зелёном, сплетаясь, пляски завели.

Гирлянды тел, влекомых пляской к лесным прогалинам, люблю.

Улыбки, ласки и лобзанья в лесу и в поле расцвели.

Земля светла любовью, – землю в весельи милом я люблю.

«Продукты сельского хозяйства...»

Продукты сельского хозяйства

Не хуже поместятся в стих,

Чем описанья негодяйства

Нарядных денди и франтих.

Морковки, редьки и селёдки

Годны не только для еды.

Нам стих опишет свойства водки,

Вина и сельтерской воды.

Дерзайте ж, юные поэты,

И вместо древних роз и грёз

Вы опишите нам секреты

Всех ваших пакостных желёз.

«Не снова ли слышны земле...»

Не снова ли слышны земле

Вещания вечно святыя?

Три девушки жили в селе,

□□Сестрицы родные.

И в холод, и в дождик, и в зной

Прилежно работали вместе

С другими над нивой родной, –

□□Но вот, заневестясь,

Оставили дом свой и мать,

Босые пошли по дорогам,

Отправились Бога искать

□□В смирении строгом.

Пришли в монастырь на горе

В веселии тенистой рощи.

Там рака в чеканном серебре,

В ней скрыты нетленные мощи.

Умильные свечи горят,

И долгие служат молебны,

Но девушки грустно стоят, –

Ведь им чудеса непотребны.

Обычность для них хороша,

Весь мир непорочен для взора,

Ещё не возносит душа

За скорбь и за слёзы укора,

Покров безмятежных небес

Хранит их от вражеской встречи, –

Зачем же им чары чудес,

□□И ладан, и свечи!

Покинули светлый чертог,

Воскресшего Бога мы ищем.

В тоске бесконечных дорог

Откройся же странницам нищим!

И долго скитались оне

В томленьях тоски вавилонской.

Не в сени церковной, а вне

Им встретился старец афонский.

Он был неучёный простец,
Не слышан про Канта и Нитче,
Но правда для верных сердец
Открылася в старческой притче.
И мир для исканий не пуст,
И вот наконец перед ними
В дыхании старческих уст
Звучит живоносное имя,
Которым в начале веков,
В надмирном ликующем дыме
Воздвиглись круженья миров, –
□□Святейшее имя!
Святейшее имя, в веках
Омытое жертвенной кровью,
Всегда побеждавшее страх
□□И злобу любовью.
И снова пред ними миры
Воздвигнуты творческим словом
В блаженном восторге игры,
□□В веселии новом.
И радостны сестры, – в пути
Нашли воплощённого Бога.
□□Домой бы идти, –
Но нет, бесконечна дорога.
Просторам воскресшей земли
Вещают святые надежды.
Склоняйтесь пред ними в пыли!
Лобзайте края их одежды!
«Конь Аполлона!..»
«Конь Аполлона!
Я недостойна
Твоих копыт.
Ведь не такую
Скуёт подкову
Тебе Гефест». –
«Молчи, подкова!
Тебя я выбрал,
Тебя хочу.
Я Аполлона
Стремлю с Олимпа
К земным путям».
«Бай, люби ребёнка, баюшки-баю!..»
Бай, люби ребёнка, баюшки-баю!
Беленькую рыбку, баюшки-баю,
Зыбко убаюкай моего бебе
В белой колыбельке, баюшки-баю.
Будешь, будешь добрый, улыбнись тебе.
Позабудь про буку, баюшки-баю.
Бьётся в колыбельку басня о судьбе.
Зыбок твой кораблик, баюшки-баю.
Бури ты не бойся, белый мой бебе,
Бури разбегутся, баюшки-баю.
Жуткая колыбельная
Не болтай о том, что знаешь,
Тёмных тайн не выдавай.
Если в ссоре угрожаешь,
Я пошлю тебя бай-бай.
Милый мальчик, успокою
□□Болтовню твою,
И уста тебе закрою.
□□Баюшки-баю,
Чем и как живёт воровка,
Знает мальчик, – ну, так что ж!
У воровки есть верёвка,
У друзей воровки – нож.
Мы, воровки, не тиранки:
□□Крови не пролью,
В тряпки вымакаю ранки.

□□Баюшки-баю.
Между мальчиками ссора
Жуткой кончится игрой.
Покричи, дитя, и скоро
Глазки зоркие закрой.
Если хочешь быть нескромным,
□□Ангелом в раю
Расскажи о тайнах тёмных.
□□Баюшки-баю.
Освещу ковёр я свечкой.
Посмотри, как он хорош.
В нём завернутый, за печкой,
Милый мальчик, ты уснёшь.
Ты во сне сыграешь в прятки,
□□Я ж тебе спою,
Все твои собрав тетрадки:
«Баюшки-баю!»
Нет игры без перепуга.
Чтоб мне ночью не дрожать,
Ляжет добрая подруга
Здесь у печки на кровать,
Невзначай ногою тронет
□□Колыбель твою, –
Милый мальчик не застонет.
□□Баюшки-баю.
Из окошка галерейки
Виден зев пещеры той,
Над которою еврейки
Скоро все поднимут вой.
Что нам, мальчик, до евреек!
□□Я тебе спою
Слаще певчих канареек:
«Баюшки-баю!»
Убаюкан тихой песней,
Крепко, мальчик, ты заснёшь.
Сказка старая воскреснет,
Вновь на правду встанет ложь.
И поверят люди сказке,
□□Примут ложь мою.
Спи же, спи, закрывши глазки,
□□Баюшки-баю.
«Восстановители из рая...»
Восстановители из рая
В земной ниспосланы предел:
Холодный снег, вода живая
И радость обнажённых тел.
Когда босые алы ноги
И хрупкий попирают снег,
На небе голубеют боги
И в сердце закипает смех.
Когда в пленительную воду
Войдёшь, свободный от одежд,
Вещают милую свободу
Струи, прозрачнее надежд.
А тело, радостное тело,
Когда оно обнажено,
Когда весёлым вихрем смело
В игру стихий увлечено,
Какая бодрость в нём и нега!
Какая чуткость к зовам дня!
Живое сочетанье снега
И вечно-зыбкого огня!
«Хорошо, когда так снежно...»
Хорошо, когда так снежно.
Всё идёшь себе, идёшь.
Напевает кто-то нежно,
Только слов не разберёшь.
Даже это не напевы.

что же? Ветки ль шелестят?
Или призрачные девы
В хрупком воздухе летят?
Ко всему душа привычна,
Тихо радуется зима.
А кругом всё так обычно,
И заборы, и дома.
Сонный город дышит ровно,
А природа вечно та ж.
Небеса глядят любовно
На подвал, на бельэтаж.
Кто высок, тому не надо
Различать, что в людях ложь.
На земле ему отрада
Уж и та, что вот, живёшь.
«Приходи, мой мальчик гадкий...»
Приходи, мой мальчик гадкий,
К самой кроткой из подруг.
Я смущу тебя загадкой,
Уведу на светлый луг.
Там узнаешь ты, как больно
Жить рабыням бытия,
Кто мечтает своевольно
И безумно, так, как я.
Расскажу я, что любила
Я другого, не тебя,
Что другому изменила,
Всё ж тебя не полюбя.
Новый милый мой способен
Оттолкнуть меня ногой.
Мы с другой прекрасны обе,
Но мечты его – другой.
И твоей любви мне надо,
Чтоб любимому отмстить,
Чтобы горькая досада
Стала грудь его томить.
Ну, не плачь, мой мальчик. Делай
Всё со мной, что хочешь ты,
Разорви одежды смело,
Брось нагую на цветы.
«Люблю я все соблазны тела...»
Люблю я все соблазны тела
И все очарованья чувств,
Все грани дольного предела
И все создания искусств.
Когда-нибудь в немом эфире
Моя охолодеет кровь,
Но Ты, Господь, живущий в мире,
Благослови мою любовь.
Прости грехи моей печали
И муку страстную мою
За то, что на Твои скрижали
Порою слёзы я пролью.
И ныне, в этой зале шумной,
Во власти смеха и вина,
К Тебе, отец, в мольбе бездумной,
Моя душа обращена.
Комментарии
Печатается по:

Сологуб Федор. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 17. Очарования земли. Стихи 1913 года. СПб.: Сирин, 1914.

Сологуб Федор. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 13. Жемчужные светила. Стихи. СПб.: Сирин, 1913.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Собрание стихотворений. Том 4. Жемчужные светила. Очарования земли. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши [buckshee](http://buckshee.ru). Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!